

Количественный анализ факторов террористической активности: систематический обзор*

Илья Сумерников

Стажер-исследователь, Центр изучения стабильности и рисков
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».
Адрес: ул. Мясницкая, д. 20, Москва, 101000 Российская Федерация
E-mail: iasumernikov@hse.ru

Андрей Уфимцев

Стажер-исследователь, Научно-учебная лаборатория экономики изменения климата
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».
Адрес: ул. Малая Ордынка, д. 17/1, Москва, 109028 Российская Федерация
E-mail: aufimtsev@hse.ru

Максим Слав

Научный сотрудник, Национальный институт экономических исследований,
Академия экономических исследований Молдовы.
Адрес: Ион Креангэ, 45, Кишинев, MD-2064, Молдова.
E-mail: mgslav@gmail.com

Андрей Коротаев

Доктор исторических наук, профессор, директор Центра изучения стабильности и рисков
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»;
главный научный сотрудник Института Африки РАН.
Адрес: ул. Мясницкая, д. 20, г. Москва, 101000 Российская Федерация
E-mail: akorotayev@gmail.com

С начала XXI века значительно выросло количество эмпирических исследований, посвященных анализу факторов, влияющих на риски террористической активности. При этом оценки влияния отдельных факторов могут отличаться в разных исследованиях, из-за чего возникает потребность в обобщающей работе, в которой будут рассмотрены ключевые результаты. В данной статье представлен анализ результатов количественных исследований факторов, влияющих на террористическую активность (было проанализировано 75 работ за 2011–2022 годы). Наиболее широко исследованные детерминанты терроризма можно разделить на три группы: политические, социальные и экономические. Всего было выделено 53 фактора, статистическая значимость которых была выявлена как минимум в двух работах. Исследования факторов террористической дестабилизации последних десяти лет показали, что наибольшие риски террористической дестабилизации имеют страны с гибридным политическим режимом (анократией), в состоянии внутреннего или внешнего конфликта, со слабой центральной властью (например, «хрупкие» или «несостоявшиеся» государства), со средним уровнем социально-экономического развития (т. е. со средними уровнями подушевого ВВП, урбанизации и охвата населения формальным образованием), хотя в последние годы зона наибольшего риска террористической активности несколько сдвинулась в сторону социально-экономически наименее развитых стран. Кроме того, для этих государств характерны

* Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2023 г. при поддержке Российского научного фонда (проект № 21-18-00123).

низкие темпы экономического роста и высокая инфляция, большие объемы иностранной финансовой поддержки, высокий уровень неравенства, достаточно многочисленное население, выраженная дискриминация меньшинств, а также высокие уровни репрессий и террористической активности в предшествующие годы.

Ключевые слова: терроризм, дестабилизация, количественный анализ, кросс-национальные исследования, модернизация, экономические факторы, политические режимы, риски

В 2011 году в журнале *Public Choice* были опубликованы две похожих статьи, в которых обобщены результаты исследований терроризма за предыдущее десятилетие. В статье «Целиком и полностью: всесторонний анализ детерминант терроризма» М. Гассебнера и С. Люхингера описывается опыт количественного изучения разных детерминантов террористической активности¹ за 2001–2011 годы (Gassebner, Luechinger, 2011). Всего в этой работе проанализированы 43 количественных кросс-национальных исследования разных авторов. В то же время в статье «Каковы причины терроризма?» Т. Кригера и Д. Мейерикса описываются результаты 31 статьи, написанной в период с 1998 по 2010 год (Krieger, Meierrieks, 2011)². Авторы обращают внимание на то, что необходимость анализа терроризма вызвана в том числе серьезными издержками, которые несут пострадавшие от терактов страны. Терроризм также может негативно сказываться на стабильности правительства (Gassebner et al., 2008), снижать объемы международной торговли (Nitsch, Schumacher, 2004) и иностранных инвестиций (Abadie, Gardeazabal, 2008), таким образом влияя на экономическое развитие государства.

Кригер и Мейерикс отмечают, что в 2001–2011 годах значительно вырос интерес к исследованию терроризма с помощью количественных методов. Быстрый рост связан с тем, что после терактов 11 сентября 2001 года увеличился интерес властей к подобным исследованиям и, что важно, объем их финансирования.

Систематический обзор 2011 года: основные результаты

Стоит перечислить основные выводы, к которым приходят авторы в перечисленных выше статьях. Кригер и Мейерикс выделили семь основных направлений исследований детерминант терроризма: экономическая депривация, социально-

1. Мы используем термин «террористическая активность» как универсальный, поскольку в разных исследованиях в качестве зависимой переменной могут выступать: количество терактов, количество погибших в терактах, количество терактов с участием террористов-смертников, успешность планируемых терактов (все эти переменные обычно считаются за каждый год) и др. Поскольку все эти переменные являются частью одного более общего понятия, в качестве общего термина, в случае, если более точные детали можно опустить, мы будем говорить именно о террористической активности. Для того чтобы уточнить, какая зависимая переменная используется в конкретной статье, см. Приложения.

2. Позже исследователем Мейериксом в 2014 году была также опубликована отдельная статья по экономическим детерминантам терроризма, продолжающая исследование авторов (см.: Meierrieks, 2014).

экономическое и демографическое напряжение, политический и институциональный порядок, политическая трансформация и нестабильность, идентичность, глобальный экономический и политический порядок, прошлые террористические атаки³ (Krieger, Meierrieks, 2011).

Политические переменные

Гассебнер и Люхингер отмечали огромный интерес исследователей к тому, как на террористическую активность влияет уровень демократии (40 из 43 проанализированных ими статей так или иначе используют измерение демократичности/гражданских свобод/политических прав как одну из переменных). Качественное объяснение этому эффекту было дано в работе Б. Фрея и С. Люхингера (Frey, Luechinger, 2003). Авторами было показано, что существуют два разнонаправленных эффекта, к которым приводит демократия: с одной стороны, демократический режим снижает прямые издержки на финансирование террористических кампаний, с другой — растут относительные издержки (*relative costs*) (Ibid.). Считалось также, что демократии могут предложить ненасильственные способы выражения несогласия, но не способны к жестким мерам по борьбе с терроризмом (Li, 2005). Впервые влияние демократического режима на террористическую активность было проанализировано в работе В. Л. Юбенка и Л. Вайнберга (Eubank, Weinberg, 1994), ее авторы обнаружили, что в демократиях более вероятно нахождение террористической группировки, чем в автократиях. Однако дальнейшие исследования показали, что между демократией и террористической активностью существует или позитивная, или перевернутая U-образная зависимость (Eubank, Weinberg, 2001; Weinberg, Eubank, 1998). Кригер и Мейерикс обращают внимание, что автократии, несмотря на потенциально более высокий уровень недовольства, могут более широко использовать репрессии как инструмент борьбы с терроризмом (Krieger, Meierrieks, 2011). Однако единства исследователей по поводу влияния политического режима на международный терроризм на момент 2011 года все еще не было. Одни считали, что демократии более уязвимы к террористическим атакам (например: Blomberg et al., 2004; Braithwaite, Li, 2007; Burgoon, 2006), а другие не видели существенной взаимосвязи (например: Drakos, Gofas, 2006; Koch, Cranmer, 2007; Piazza, 2008). Такие различия в полученных результатах натолкнули на предположение о вероятности существования нелинейной связи между политическим режимом и террористической активностью (Kurrild-Klitgaard et al., 2006). Еще одной важной политической детерминантой оказалась политическая трансформация и нестабильность. Однако выводы о направлении этого влияния, полученные исследователями на 2011 год, оставались в целом неоднозначными (Krieger, Meierrieks, 2011).

3. То обстоятельство, что число терактов в прошлом является важным предиктором террористической активности в стране, было отмечено уже очень давно (Midlarsky, Crenshaw, Yoshida, 1980).

Кроме того, некоторые исследователи (Arce, Sandler, 2003), вслед за С. Хантингтоном (Huntington, 1996), также считали, что столкновение между различными странами, организованными по цивилизационным признакам, и между различными группами внутри страны может приводить к конфликту, основанному на различиях в культуре и идентичности. Мотивом террористов в данном случае выступает стремление изменить положение своей страны или социальной группы.

Экономические переменные

В академической (но особенно в публицистической) литературе и СМИ распространены представления о том, что важным источником террористической активности являются экономические проблемы и недовольство населения экономическим положением (см., например: Krueger, Maleckova, 2003). Особое внимание в работах до 2011 года уделялось таким показателям, как ВВП на душу населения, уровень бедности, продолжительность жизни. Ученые также рассматривали проблему относительной депривации, идея которой заключается в том, что насилие порождается несоответствием ожиданий и реальности (Gurr, 1970). Однако не было получено убедительных доказательств в пользу того, что экономическая депривация может быть причиной терроризма: исследования рассматриваемого поколения приходили к выводу, что ни бедность, ни неравенство не оказывают статистически значимого влияния на террористическую активность (Krueger, Maleckova, 2003; Kurrild-Klitgaard et al., 2006). Более того, исследователи пришли к выводу, что экономическая депривация скорее всего не оказывает значительного влияния даже на международный терроризм, поскольку богатые страны чаще оказываются под ударом международного терроризма из-за институциональных факторов, а не собственного богатства (Kurrild-Klitgaard et al., 2006). Тем не менее значимым оказывался высокий уровень экономического развития, которое снижает вероятность возникновения терроризма (Blomberg, Hess, 2008; Azam, Delacroix, 2006; Lai, 2007; Azam, Thelen, 2008). Также фиксировалась позитивная связь между уровнем урбанизации и террористической активностью (Crenshaw, 1981; Campos, Gassebner, 2009).

Некоторые исследователи обращали внимание и на влияние на терроризм международных экономических факторов. В целом делался вывод о том, что экономическая интеграция страны в мировую экономику скорее способствует снижению терроризма (например: Blomberg, Hess, 2008; Kurrild-Klitgaard et al., 2006).

Социальные переменные

Отдельно рассматривались социальные детерминанты. Среди таких факторов, увеличивающих риски террористической активности, выделялись социально-экономическое и демографическое напряжение. Так, вместе с модернизацией про-

исходят изменения на рынке труда и перераспределение выгод в пользу других групп, что приводит к большому числу проигравших от модернизации (Robison et al., 2006). Однако подобного рода гипотезы трудно доказать в силу отсутствия подходящего индикатора интенсивности противоречий, возникающих в ходе модернизации. При этом наиболее распространенный для этого прокси-показатель — темпы экономического роста — не оказывался статистически значимой детерминантой терроризма. Демографические факторы, наоборот, являются значимыми, и большинство исследователей находили положительную статистически значимую связь между численностью населения и рисками террористической дестабилизации (см., например: Krueger, Maleckova, 2003; Burgoon, 2006; Lai, 2007; Plümper, Neumayer, 2010; Freytag et al., 2008). Утверждалось также, что и высокая плотность населения является фактором, который увеличивает вероятность террористических атак (Drakos, Gofas, 2006).

Помимо того, тестировалось влияние на террористическую активность фракционализации, но так и не сформировалось консенсуса по значимости этнической фракционализации: одни считали ее важным фактором (например: Tavares, 2004; Piazza, 2006), другие считали существенной только языковую фракционализацию (Blomberg, Hess, 2008; Drakos, Gofas, 2006; Sambanis, 2008).

Результаты М. Гассебнера и С. Люхингера

Помимо обобщения результатов количественных исследований 2001–2011 годов, Гассебнер и Люхингер провели собственное количественное исследование с помощью метода *Extreme Bounds Analysis* (EBA, подробнее о методе см.: Hlavac, 2016). Исследователи проанализировали три базы данных по террористической активности — ITERATE, GTD, MIP⁴. При рассмотрении мест проведения теракта авторами были выявлены всего две переменные, которые оказались статистически значимыми при анализе всех трех баз — индекс права на физическую неприкосновенность (*physical integrity rights index*) и отсутствие религиозных противоречий в стране. Значимыми при анализе результатов двух баз данных оказались еще три переменных — численность населения, экономическая свобода и младенческая смертность. И еще 13 переменных оказались значимыми при анализе в одной базе данных из трех (см. подробнее: Gassebner, Luechinger, 2011). Таким образом, большинство переменных, которые рассматриваются в литературе, оказались незначимыми при использовании метода EBA.

Значимость младенческой смертности как фактора, позитивно влияющего на терроризм, подтверждала гипотезу о влиянии бедности на террористи-

4. Отметим, что базы данных ITERATE и MIP сфокусированы исключительно на международном терроризме, в то время как GTD также фиксирует внутреннюю террористическую активность. Кроме того, например, в ITERATE исключаются теракты против солдат и военной инфраструктуры, а GTD включает их. Этим могут объясняться различия в полученных результатах при анализе разных баз данных.

ческую активность. Гассебнер и Люхингер уточнили, что влияние оказывает не бедность сама по себе, но ограничения экономической активности и недостаток экономических возможностей. В то время как, вопреки предыдущим исследованиям, глобализация, объем иностранных инвестиций позитивно коррелируют с вероятностью возникновения террористической активности. Уровень урбанизации также позитивно влияет на интенсивность террористических атак. Это влияние хорошо исследовано и его механизм традиционно описывается так: в городах находится множество потенциальных целей для атаки, такое нападение более вероятно будет освещено в СМИ, чем нападения в сельских районах.

Авторы также отмечали, что законность и правопорядок являются важным предиктором сокращения террористической активности — в странах с независимой судебной системой и соблюдением прав человека вероятность терактов ниже. Однако исследователи, со ссылкой на более ранние работы (Dreher et al., 2010), отмечали, что низкий уровень законности и правопорядка может быть не причиной, а следствием высокой террористической угрозы, поэтому возможность обратной причинно-следственной связи требует дальнейшего исследования. При этом авторы не нашли значимого подтверждения взаимосвязи между демократией и количеством террористических атак (возможно, это связано с нелинейной природой взаимосвязи, что мы подробнее рассмотрим ниже). Также оказалось, что около 45% террористов активны в странах с центристским правительством, причем эта оценка не зависит от конкретной страны. Таким образом, возможно, центристский режим приводит к повышенному количеству террористических атак, однако, по мнению Гассебнера и Люхингера, подтверждение существования подобной взаимосвязи требовало дальнейших исследований.

Исследователи обнаружили положительную статистическую зависимость между террористической активностью и этнической или религиозной напряженностью в стране. Такое же влияние на терроризм оказывает и любой внешний или внутренний конфликт в целом (гражданские войны, нестабильность, восстания, массовые беспорядки, забастовки).

Опыт исследований с 2011 года: новые результаты

Несмотря на обширный материал, накопленный к 2011 году, в последние десять лет было написано огромное количество работ, продолжающих исследования разных факторов, влияющих на террористическую активность. В настоящем исследовании мы суммируем результаты, полученные исследователями в 75 статьях за 2011–2021 годы. Необходимость такой обобщающей работы объясняется рядом причин. В первую очередь нам не известно, чтобы подобные обзорные статьи по всем факторам, влияющим на терроризм, выходили после 2011 года на английском или русском языках (тем не менее по отдельным детерминантам терроризма имеются некоторые обзорные исследования работ последних лет (см., например: Коротаяев

и др., 2019; Korotayev, Vaskin, Romanov, 2021)). Помимо этого наш обзор опирается на эмпирические статьи, использующие количественные методы, которые пока редко присутствовали в схожих публикациях на русском языке⁵. Необходимость в обобщении опыта исследований терроризма связана и с изменением политической риторики. Если политические деятели 2000-х годов вроде Джорджа Буша утверждали, что истоки терроризма следует искать в социально-экономическом неблагополучии и проблеме несостоявшихся государств (Krieger, Meierrieks, 2011), то с ростом правого популизма в 2010-е годы и миграции из арабских стран многие политики стали связывать рост терроризма с миграцией из исламских стран⁶ и исламистским радикализмом (Hall, 2021).

Есть и методологические различия в подходах. Одной из важных черт, которую выделяют Гассебнер и Люхингер, является тот факт, что в основном в рассматриваемый период авторы использовали линейные модели эконометрического моделирования, лишь изредка прибегая к нелинейным (например, при исследовании влияния демократии, см.: Ai, Norton, 2003; Greene, 2010). В публикациях 2011–2021 годов часто используются нелинейные модели (модифицированные версии негативной биномиальной, логистическая, квадратичная, экспоненциальная и другие), которые позволяют выявить новые значимые зависимости. Так была выявлена криволинейная зависимость между уровнем ВВП на душу населения и рисками террористической дестабилизации, перевернутая U-образная зависимость между количеством туристов в стране и количеством атак, совершенных иностранными гражданами, а также нелинейная зависимость между возрастом демократического режима и количеством террористических атак⁷ (Freytag, Krüger et al., 2011; Goldman, 2017; Piazza, 2013).

Методология исследования

Для поиска статей по детерминантам террористической активности мы использовали базу данных Scopus. Поиск шел по ключевому слову «терроризм» (соотв. «terrorism» для англоязычной литературы). В своей работе мы не рассматривали тексты, опубликованные до 2010 года включительно, а только с 2011 по 2020 год

5. Стоит отдельно сказать, что традиция исследования террористической активности имеет достаточно большую историю развития — изначально исследователи фокусировались в первую очередь на качественных исследованиях. Однако в последние 30 лет появляется все больше эмпирических статей, использующих количественные методы. Именно такой подход к исследованию террористической активности сейчас наиболее популярен и релевантен. Наша работа суммирует опыт количественного исследования разных детерминант терроризма.

6. Например, Дональд Трамп обвинял мигрантов в росте терроризма, фокусируясь исключительно на исламистском терроризме. В целом о природе и влиянии терроризма существует большое количество мифов, многие из них можно встретить в речах политиков и средствах массовой информации (подробный анализ основных мифов см. в: Gaibullov, Sandler, 2022).

7. Впрочем, стоит отметить, что ранее эта идея также встречалась в публикации П. Куррилла-Клитгора и его соавторов (Kurrild-Klitgaard et al., 2006), хотя и не получила изначально широкого распространения.

и имеющие более 5 цитирований по данной базе данных, а также все опубликованные в 2021–2022 годах. При этом нами были отобраны только те, в которых: а) в качестве исследуемой (зависимой) переменной рассматривают *общее количество* террористических атак (а не только национальный терроризм или только международный терроризм) во всем мире; б) проводят исследование с помощью регрессионного анализа; в) исследуют влияние разных факторов на вероятность террористической активности (а не наоборот). Всего было найдено 75 таких статей.

Все факторы, исследуемые в данных статьях, можно разделить на несколько основных групп:

1. экономические факторы;
2. политические факторы;
3. социальные факторы⁸.

Также исследователи обычно разделяют переменные на главные (основные переменные, именно их влияние авторы хотят исследовать в своей статье) и контрольные (вспомогательные переменные, которые необходимы для учета побочного влияния и улучшения качества моделей). Для большей наглядности представления полученных авторами выводов мы также в Приложении разделили переменные на главные и контрольные⁹. Кроме того, мы использовали разделение на внутренний и международный терроризм. Это является развитием идеи, упомянутой Гассебнером и Люхингером, о том, что результаты будут отличаться в зависимости от того, идет ли речь о стране происхождения террориста или стране, ставшей местом проведения теракта (Gassebner, Luechinger, 2011).

В рамках регрессионного анализа факторы могут отличаться: а) направлением корреляции (позитивная или негативная связь); б) значимостью связи (в нашем случае значимыми признаются все переменные, p -value которых не превосходит 0,05). Для обозначения важности и направленности влияния факторов мы ввели следующие обозначения:

1. S — значимая ($p < 0,05$)
2. I — незначимая ($p > 0,05$)
3. P — положительная связь
4. N — отрицательная связь
5. U — криволинейная связь

8. Обращаем внимание, что в ряде случаев разделение носит достаточно условный характер, так как множество факторов относятся сразу к нескольким группам или могут быть отнесены к другой группе. Поэтому при практической работе при поиске необходимого фактора имеет смысл проверять все группы факторов.

9. Здесь также стоит отметить, что в ряде случаев разделение является условным, поскольку некоторые авторы используют переменные в качестве контрольных, но в итоге включают в результаты исследования зависимости, найденные в отношении контрольных переменных, в связи с чем для использования в исследованиях данного разделения рекомендуем обращаться к первоисточнику.

Число перед обозначением — количество регрессий с полученным результатом¹⁰.

Кроме того, в последнее десятилетие получили распространение статьи, фокусирующиеся на отдельных регионах и даже странах¹¹, поэтому мы добавили вспомогательный материал, где статьи разделены по охвату (глобальному, региональному или страновому) использованных в них выборок.

Основные результаты

Как уже говорилось выше, детерминанты террористической активности в статьях 2011–2022 годов, как и в более ранних работах, можно разделить на три группы: политические, экономические и социальные.

Политические факторы

Наиболее часто анализируемые политические детерминанты терроризма касаются типов политических режимов. Мы ранее упоминали противоречивость влияния демократии на терроризм; она, с одной стороны, делает систему более открытой и уязвимой, а с другой — предлагает эффективные решения противоречий ненасильственным путем. Многие авторы продолжают приходить к противоположным результатам относительно влияния демократии на терроризм (см.: Приложения 1а, 1б, 1в). Демократичность политического режима как предиктор терроризма рассматривалась в 37 проанализированных работах¹². Стоит заметить, что чаще всего исследователи приходят к выводу, что демократия оказывает положительное влияние на террористическую активность. Однако большинство полученных результатов оказались статистически незначимыми. Кроме того, существует ряд работ, анализирующих существование криволинейной связи между демократией и террористической активностью (см. Приложение 1а и рис. 1).

10. Таким образом, например, обозначение *10SP* значит, что в статье данный фактор в 10 регрессиях показал статистически значимую положительную связь с терроризмом. В случае если авторами получено несколько разных результатов, они указываются по очереди в порядке убывания количества.

11. Можно заметить, что такие статьи посвящены в основном либо странам происхождения авторов (США, Израиль, Турция), либо государствам с низким уровнем политической стабильности/высоким уровнем террористической активности (Ближний Восток, Афганистан).

12. Aksoy, Carter, Wright, 2012; Bagchi, Paul, 2018; Boehmer, Daube, 2016; Böhmelt, Bove, 2019; Boylan, 2016; Braithwaite, Chu, 2018; Brockhoff, Krieger, Meierrieks, 2015; Choi, Luo, 2013; Choi, Piazza, 2016; Choi, Piazza, 2017; Choi, Salehyan, 2013; Coggins, 2015; Collard-Wexler, Pischedda, Smith, 2014; Ezcurra, Palacios, 2016; Fahey, LaFree, 2015; Findley, Young, 2011; Findley, Young, 2011; Foster, Braithwaite, Sobek, 2013; Freytag, Kruger et al., 2011; Gaibulloev, Piazza, Sandler, 2017; George, 2018; Ghatak, Gold, Prins, 2019; Henne, 2012; Khokhlov, Korotayev, 2022; Kis-Katos, Liebert, Schulze, 2011; Korotayev, Vaskin, Romanov, 2021; Korotayev, Vaskin, Tsirel, 2021; Krieger, Meierrieks, 2019; Meierrieks, Gries, 2012; Mullins, Young, 2012; Murdie, Stapley, 2014; Piazza, 2013; Saiya, 2016; Salman, 2015; Smith, Zeigler, 2017; Wilson, Piazza, 2013; Васькин и др., 2018; Коротаев и др., 2019.

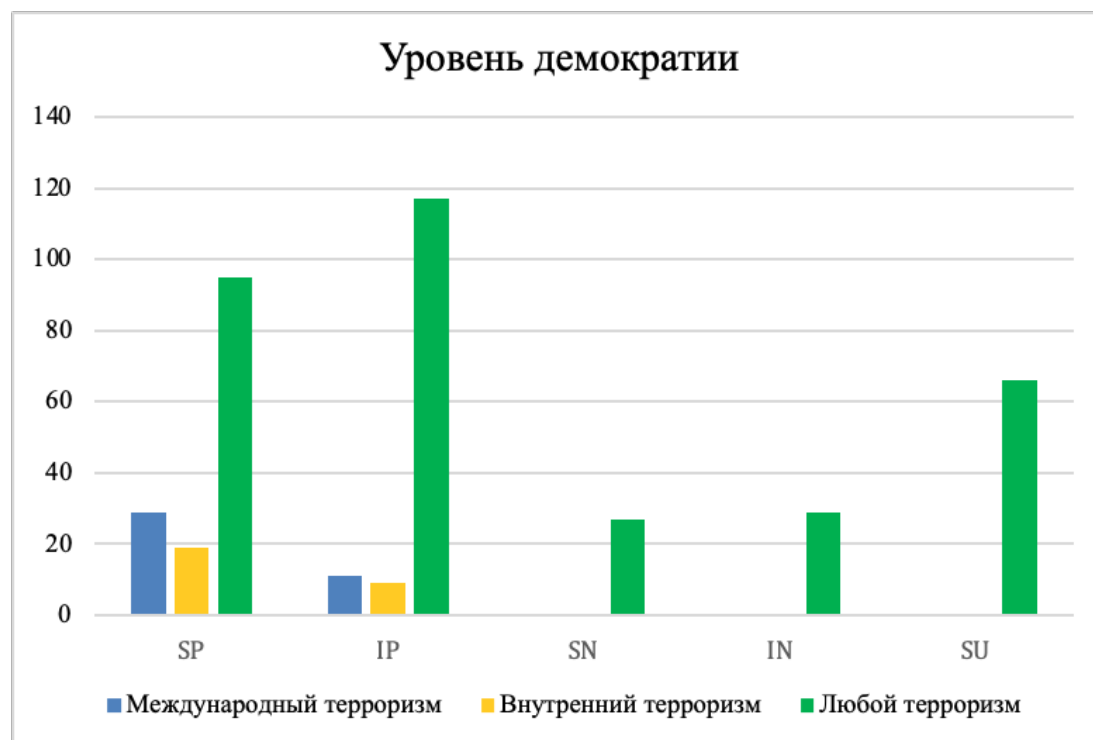

Рис. 1. Количество моделей, в которых используется уровень демократии в качестве предиктора различных видов терроризма

Примечание: в одной работе обычно представлено более одной модели с использованием интересующей нас переменной в качестве независимой. Поэтому число моделей, учтенных в соответствующих сравнительных диаграммах, всегда значительно превышает число работ, на базе которых соответствующие диаграммы построены.

Так, во всех статьях, в которых использовались нелинейные модели, было зафиксировано существование значимой нелинейной зависимости¹³. Например, в своем исследовании М. Финдли и Дж. Янг приходят к выводу о том, что между демократией и терроризмом существует перевернутая U-образная связь. Таким образом, исследователи показали, что терроризм представляет наибольшую угрозу для стран с несовершенной демократией и гибридным режимом, в то время как авторитарные режимы и консолидированные демократии меньше ей подвержены (Findley, Young, 2011). Полученный Финдли и Янгом результат может объяснить

13. Главная особенность такого анализа заключается в том, что существует несколько способов анализа нелинейной зависимости — с помощью *dummy*-переменных и с помощью использования квадратичного члена в регрессиях. Например, в одной из работ анализируется отдельно влияние полной автократии, факциональной демократии и полной демократии (Korotayev, Vaskin, Tsirel, 2021). Полученные результаты отличаются для каждого политического режима — наиболее уязвимым для терроризма оказывается факциональная демократия. Таким образом, мы имеем дело с нелинейной (U-образной) связью. К подобным результатам с использованием другой методологии (квадратичного члена в регрессии) приходят и другие исследователи. При подсчете количества нелинейных зависимостей мы учитывали все способы построения нелинейных моделей.

противоречия, обнаруженные исследователями, которые использовали линейные модели. Аналогичное было зафиксировано и другими исследователями (Khokhlov, Korotayev, 2022; Meierrieks, Gries, 2012; Boehmer, Daube, 2016; Gaibulloev, Piazza, Sandler, 2017). При этом особенно высокими оказались риски террористической дестабилизации для факциональных демократий (Korotayev et al., 2021; Коротаев и др., 2019). Существование подобной криволинейной зависимости было зафиксировано и в работах, посвященных персоналистским и гибридным режимам (Aksoy, Carter, Wright, 2012; Wilson, Piazza, 2013; Bove, Böhmelt, 2016).

Помимо этого, Дж.А. Пиатца в исследовании 2013 года показывает, что влияние демократии на терроризм зависит от длительности существования политического режима: чем старше демократический режим, тем меньше он подвергается террористическим нападениям (Приложение 1г). В то же время частота терактов в авторитарном режиме практически не зависит от длительности существования режима (Piazza, 2013), хотя другие исследования показывают отрицательную корреляцию с рисками террористической дестабилизации для длительности существования любых политических режимов (Коротаев и др., 2021: 199–247). Параллельно с работой Пиатцы в 2013 году вышла работа, использующая в качестве зависимой переменной долговечность демократического режима (*Years of Democracy*). Авторы также приходят к выводу, что существует отрицательная связь между тем, сколько существует демократический режим, и террористической активностью (Foster, Braithwaite, Sobek, 2013). В целом долговечность политического режима часто используется в качестве зависимой переменной при анализе структурных детерминант терроризма. Однако авторы приходили к смешанным результатам, которые сильно зависят от типа режима, который был проанализирован.

Помимо демократии, значительное внимание было приковано к несостоятельности государства (*State Failure*, Приложение 1д). Современный *Fragile States Index*¹⁴, состоящий из 12 индикаторов, которые по-разному влияют на уровень террористической активности (подробнее о методике его составления см.: Коротаев и др., 2020; Korotayev et al., 2022). В целом авторы приходят к выводу о сильном статистически значимом влиянии государственной несостоятельности на террористическую активность (Wilson, Piazza, 2013; Okafor, Piesse, 2018; Bove, Böhmelt, 2016; Choi, Luo, 2013; Braithwaite, Chu). В то же время работа Б. Коггинса 2015 года вносит уточнения в полученный анализ, показывая, что несостоятельность государства сама по себе не является предиктором увеличения террористической активности — для этого необходимо также обширное политическое насилие со стороны государства или разрозненных групп. Так, многие бедные страны с низким уровнем безопасности (Нигер, Буркина-Фасо до 2015 года, Мали до 2013 года и Эритрея) или недееспособными государственными институтами (Гаити, Гвинея, Чад или Зимбабве) долгое время не являлись (либо даже до сих пор не являются) источниками террористической угрозы. В то же время государства, охваченные хаотичным политическим насилием

14. До 2014 г. индекс носил название *Failed States Index*.

или гражданской войной, гораздо более опасны для себя и других, когда речь заходит о терроризме (Coggins, 2015). Однако Коггинс использует датасет, ограниченный 1999–2008 годами, поэтому необходимы дальнейшие исследования для подтверждения корректности полученных результатов. Характерно, что многие страны, которые Коггинс приводил в качестве примеров сочетания государственной несостоятельности с низким ростом террористической активности (Мали, Буркина-Фасо, Чад, Нигер), за пределами рассмотренного им временного промежутка испытали бурный рост числа зафиксированных там терактов (см., например: Issaev et al., 2021, 2022).

Отдельный большой кластер составляют работы, посвященные влиянию разнообразных конфликтов (внешних и внутренних) на террористическую активность (см. рис. 2, а также Приложения 1е, 1ж, 1з). Внутренние конфликты (гражданские войны, забастовки, массовые беспорядки, политическая нестабильность) положительно влияют на число террористических атак (Younas, Sandler, 2017; Foster, Braithwaite, Sobek, 2013; Khokhlov, Korotayev, 2022). В то же время влияние разных внешних конфликтов может значительно отличаться. В большинстве работ было показано, что войны между государствами не оказывают статистически значимого влияния на террористическую активность (Findley, Young, 2011; Collard-Wexler, Pischedda, Smith, 2014; Choi, Luo, 2013; Fahey, LaFree, 2015; Foster, Braithwaite, Sobek, 2013; George, 2018). Однако чем дальше государство находится в состоянии внутреннего или внешнего конфликта (Приложение 1к), тем выше будет уровень террористической активности (Kis-Katos, Liebert, Schulze, 2011). В то же время межгосударственное противостояние без войны также может приводить к увеличению количества терактов (Findley, Young, 2011; Saiya, 2019).

Также значительное влияние на увеличение террористической активности оказывает внешняя интервенция и оккупация (Choi, Piazza, 2017; Murdie, Stapley, 2014; Smith, Zeigler, 2017; Collard-Wexler, Pischedda, Smith, 2014; Choi, Piazza, 2016), особенно если страны находятся в состоянии затяжного конфликта (Braithwaite, 2015); причем степень влияния зависит от типа интервенции. Проправительственные интервенции, например, приводят к увеличению количества атак террористов-смертников. Этот эффект значительно усиливается, если в интервенции участвует большая группировка сухопутных войск (Choi, Piazza, 2017). В свою очередь, оккупации разделяют на внешние и внутренние (Приложение 1и). Под внутренней оккупацией подразумевается наличие сепаратистов, которые считают существующее состояние оккупацией. Выясняется, что иностранная оккупация — сильный предиктор увеличения количества атак террористов-смертников, а внутренняя — нет (Collard-Wexler, Pischedda, Smith, 2014). К росту террористической активности приводят и гражданские войны — терроризм становится одним из способов увеличения политического влияния, количество терактов растет (Collard-Wexler, Pischedda, Smith, 2014; Braithwaite, Chu, 2018; Gaibulloev, Piazza, Sandler, 2017; Freytag, Kruger et al., 2011; Coggins, 2015). При этом существует значимая положительная связь между интенсивностью внешнего или внутреннего конфликта и количеством терактов (Henne, 2012; Paul, Bagchi, 2018; Bell et al., 2014).

Рис. 2. Количество моделей, в которых используются любые конфликты (включая гражданские войны, оккупацию и интервенцию) в качестве предиктора различных видов терроризма

Экономические факторы

В настоящий момент накоплено большое количество работ, исследующих влияние экономических факторов на риски террористической активности. Более того, в отличие от политических детерминант, спектр исследуемых экономических детерминант крайне широкий: он касается показателей экономического развития, безработицы, неравенства, открытости экономики, изменения экономических показателей (уровень инфляции, рост ВВП и другие). Наиболее часто упоминаемой экономической детерминантой терроризма в исследованиях является ВВП на душу населения (Приложение 2а)¹⁵. Как и в случае с демократией, исследователи приходят к выводу о существовании криволинейной перевернутой U-образной зависимости между подушевым ВВП и уровнем террористической активности (рис. 3). Тем не менее многие исследователи сообщали и о наличии позитивной связи между ВВП на душу населения и рисками терроризма. Однако все такие работы использовали ВВП в качестве контрольной переменной и не ставили основ-

15. При анализе влияния душевного благосостояния на вероятность террористической активности принято использовать не только ВВП, но и схожие показатели — например, ВНД (Приложение 2б) или разнообразные метрики экономического развития (Приложение 2в). Поскольку использование разных показателей ведет к схожим выводам, на рисунке 3 учтены все способы оценки уровня экономического развития. Для более подробного знакомства с результатами см. Приложения 2а, 2б и 2в.

ной целью изучение истинного влияния ВВП на душу населения. В то же время авторы, фокусирувавшиеся непосредственно на связи подушевого ВВП и террористической активности, приходили к выводу, что ВВП либо оказывает незначимый эффект (Coggins, 2016; Enders, Hoover, Sandler, 2016), либо существует перевернутая U-образная зависимость — подобно влиянию уровня демократии (Boehmer, Daube, 2016; Enders, Hoover, Sandler, 2016; Freytag, Kruger et al., 2011; Korotayev et al., 2021).

Авторы одной из статей, в которой тестируются и квадратичные, и линейные модели, считают, что незначимый эффект в линейных моделях был получен именно из-за того, что, судя по всему, истинная связь носит нелинейный характер (Enders, Hoover, Sandler, 2016). В ней они описали взаимосвязь между уровнем дохода и терроризмом через «террористическую кривую Лоренца», показав, что внутренние и транснациональные террористические атаки в большей степени сосредоточены в странах со средним уровнем дохода, а взаимосвязь между благосостоянием и терроризмом носит нелинейный характер. С другой стороны, авторы показывают, что в настоящее время, после усиления влияния религиозных фундаменталистов и националистических/сепаратистских террористов в начале 1990-х годов, наибольшая концентрация террористической активности переместилась в сторону стран со средне-низким уровнем дохода (Enders, Hoover, Sandler, 2016). В некоторых других статьях отдельно рассматривалось влияние бедности на терроризм (Akyuz, Armstrong, 2011; Krieger, Meierrieks, 2019; Derin-Güre, Pinar, 2011; Kavanagh, 2011). Авторы склоняются к тому, что уровень бедности в стране увеличивает вероятность терактов (что несколько противоречит выводам о криволинейной зависимости между подушевым ВВП и рисками террористической дестабилизации, поэтому речь здесь идет скорее об относительной бедности). При этом Д. Кавана утверждает, что бедность важна не сама по себе — риски террористических атак увеличиваются при наличии высокообразованных людей, которые оказались в тяжелых экономических условиях (Kavanagh, 2011).

Отдельно стоит описать связь терроризма с рядом других экономических переменных (Приложение 2г). Одна из работ показывает, что в странах Латинской Америки высокие темпы экономического роста способствуют снижению террористической угрозы, даже без учета влияния других переменных (Meierrieks, Gries, 2012; см. также: Коротаев и др., 2021: 199–247, где описано наличие в целом отрицательной корреляции между высокими темпами экономического роста и рисками террористической дестабилизации для мира в целом, мир-системной периферии и афразийской макрзоны нестабильности). В то же время в исследовании сепаратистского терроризма было показано, что экономический рост не оказывает значимого влияния на террористическую активность (Derin-Güre, Pinar, 2011).

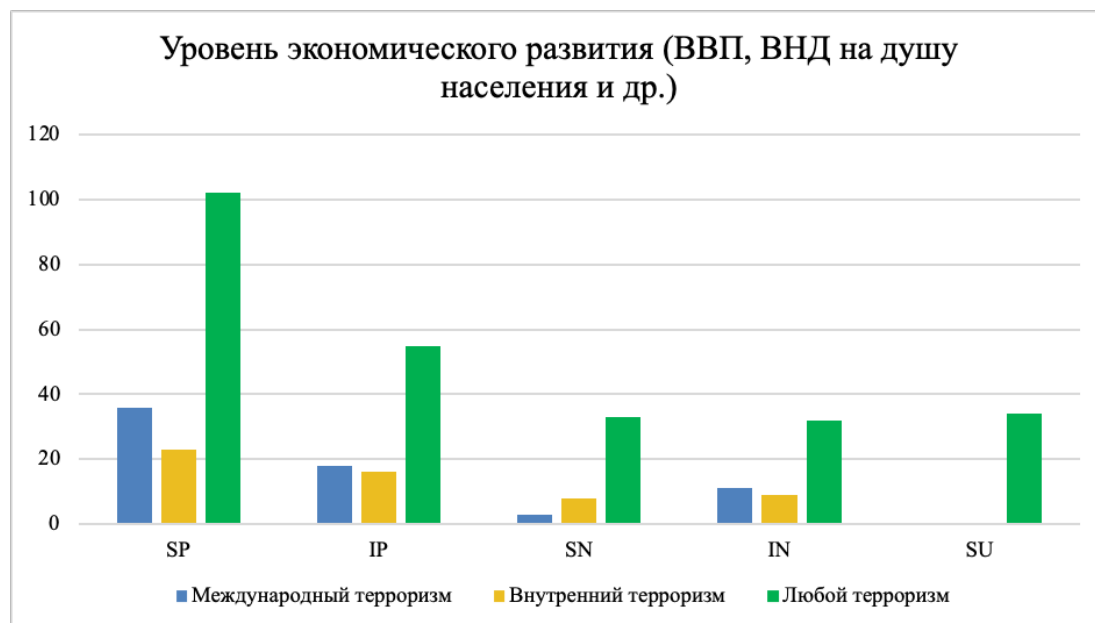

Рис. 3. Количество моделей, в которых используется уровень экономического развития в качестве предиктора различных видов терроризма

Также исследователи при анализе зачастую обращались к переменным, характеризующим экономическую систему и ее вовлеченность в международное разделение труда (Приложения 2д, 2е). Например, фиксировалось, что открытость экономики скорее всего не оказывает статистически значимого результата на уровень терроризма (Brockhoff, Krieger, Meierrieks, 2015; Kis-Katos, Liebert, Schulze, 2011). Тем не менее некоторые исследования выявили ингибирующее влияние политики свободной торговли на количество терактов (Younas, Sandler, 2017; Meierrieks, Gries, 2012). Открытость экономики тесно связана с глобализацией и вовлеченностью страны в мировую экономику. Однако в исследованиях, использовавших интегрированность страны в глобализационные процессы в качестве контрольной переменной, также не удалось обнаружить значимый эффект — были получены смешанные результаты (Gaibulloev, Piazza, Sandler, 2017; Mascarenhas, Raechelle, Sandler, 2014; Böhmelt, Bove, 2019). В свою очередь, значимое негативное влияние на террористическую активность оказывает объем инвестиций (см.: Freytag, Kruger et al., 2011; Mascarenhas, Raechelle, Sandler, 2014; Okafor, Piesse, 2018, а также Приложение 23). Но важно, чтобы это были именно коммерческие инвестиции — иностранная финансовая помощь, при прочих равных, увеличивает террористическую активность (см.: Mascarenhas, Raechelle, Sandler, 2014; Richardson, 2011, а также Приложение 2ж; см.: Коротаев и др., 2021: 199–247 применительно к финансовой помощи США).

Некоторые экономические переменные были использованы всего в нескольких работах и требуют дальнейшего изучения. Одна из таких переменных —

экономическая депривация. Например, анализ К. Ричардсона показал, что террористическая активность увеличивается в случае существования в стране относительной экономической депривации (когда ожидания людей расходятся с достижениями государства), хотя ранее исследователями рассматривалась только абсолютная депривация. С другой стороны, автор показывает, что увеличение уровня безработицы приведет к всплеску террористической активности в будущем (Richardson, 2011). Существуют также исследования, показывающие, что террористическую активность увеличивает неравенство внутри страны (Krieger, Meierrieks, 2019; Derin-Güre, Pinar, 2011; Ezcurra, Roberto, Palacios, 2016, а также Приложение 2и). Примечательно, что в рамках анализа наиболее сильная взаимосвязь между терроризмом и неравенством была обнаружена при использовании индекса Тейла (Krieger, Meierrieks, 2019), менее устойчивые результаты были получены при использовании индекса Джини (Bove, Böhmelt, 2016; Piazza, 2011; Ezcurra, Roberto, Palacios, 2016). Однако большинство работ приходят к выводу, что неравенство является важным предиктором увеличенного риска террористических атак. Активная политика перераспределения благосостояния в государстве, наоборот, является фактором, снижающим террористическую активность (Krieger, Meierrieks, 2019). Исследования терроризма на Ближнем Востоке показали, что и высокий уровень безработицы положительно коррелирует с рисками террористической дестабилизации (Paul, Bagchi, 2018).

Социальные факторы

Среди социально-демографических детерминант терроризма наиболее изученными являются численность населения (см. рис. 4 и Приложение 3а) и дискриминация по какому-либо признаку (Приложение 3б). При этом численность населения является наиболее часто встречающейся переменной в целом. Это вызвано тем, что предыдущие эмпирические тесты показали существование значимой линейной связи — чем больше население страны, тем больше террористических актов в ней происходит и тем больше людей там в результате терактов погибает (Gassebner, Luechinger, 2011). Такие результаты согласуются и с теоретическими ожиданиями. Ведь как отмечают Кригер и Мейерикс, чем больше численность населения страны, тем больше там целей для террористических атак и тем больше потенциальных жертв терактов и потенциальных террористов (Krieger, Meierrieks, 2019: 129). Поэтому численность населения используется в качестве контрольной переменной практически в каждой статье. Однако за период с 2011 года нами не было обнаружено ни одной работы, которая бы использовала численность населения в качестве главной исследуемой переменной. В целом предыдущие результаты были подтверждены — большинство моделей продемонстрировали существование значимой позитивной связи численности населения с числом терактов (см. рис. 4).

Рис. 4. Количество моделей, в которых используется численность населения в качестве предиктора различных видов терроризма

Некоторые исследователи также использовали плотность населения в качестве предиктора (Younas, Sandler, 2017; Fahey, LaFree, 2015; Abrahms, Potter, 2015). При анализе влияния плотности населения на риски террористической активности не было найдено значимого эффекта.

Значимым предиктором терроризма также является дискриминация меньшинств (Приложение 3б; см. также: Коротаев и др., 2021: 199–247). Под дискриминацией исследователи терроризма обычно понимают системное ограничение прав какого-либо меньшинства по расовому, национальному, гендерному или иному признаку (Piazza, 2011). Уже само по себе наличие ущемленных в правах меньшинств провоцирует рост террористических угроз (особенно если меньшинство подвергается депортации). Этот эффект значительно увеличивается, если меньшинство составляет большую долю в населении (Choi, Piazza, 2016). В целом дискриминация меньшинств в государстве приводит к значимому увеличению рисков террористической активности, причем этот эффект наблюдается для всех видов дискриминации: экономической (Ghatak, Gold, Prins, 2019), социальной (Piazza, 2011) и политической (Choi, Piazza, 2016). Эффект сохраняется и при рассмотрении разных угнетенных групп — это может быть дискриминация по этническому (Choi, Piazza, 2016), религиозному (Saiya, 2019) и даже гендерному (Salman, 2015) признаку. Например, было показано, что страны с экономической дискриминацией меньшинств и религиозной дискриминацией подвергаются атакам терро-

ристов значительно чаще (Piazza, 2011; Saiya, 2019). С вероятностью возникновения этнической дискриминации непосредственно связан анализ переменной количества меньшинств в стране (Приложение 3в). Примечательно, что при рассмотрении этой переменной исследователи не выявили наличия какого-либо значимого эффекта (Findley, Young, 2012; Henne, 2012; Saiya, 2016). При этом анализ различных типов фракционализации в государстве также дал смешанные результаты (Приложение 3г) (Collard-Wexler, Pischedda, Smith, 2014; Henne, 2012; Foster, Braithwaite, Sobek, 2013; Mascarenhas, Raechelle, Sandler, 2014; Khokhlov, Korotayev, 2022).

Отдельное место в исследованиях терроризма заняли работы, посвященные структурным переменным, непосредственно связанным с модернизацией страны: уровень урбанизации (Приложение 3д), охвата населения формальным образованием (Приложение 3е), младенческая смертность (Приложение 3ж). Так, например, уровень урбанизации оказывает либо позитивный (Lafree, Bersani, 2014; Korotayev et al., 2023), либо перевернутый U-образный эффект (Slav et al., 2021) на риски терроризма. В свою очередь, уровень образования в стране приводит к значительному снижению террористических угроз (Brockhoff, Krieger, Meierrieks, 2015; Lee, 2011) или демонстрирует криволинейную перевернутую U-образную зависимость (Korotayev, Vaskin, Tsirel, 2021; Васькин и др., 2018). В то же время уровень младенческой смертности оказался статистически незначимой переменной (Coggins, 2015; Piazza, 2012; Akyuz, Armstrong, 2011) — по всей видимости, из-за очень высокой скоррелированности данного индикатора с подушевым ВВП.

Кроме того, эмпирическое подтверждение получил тот факт, что количество терактов растет при увеличении миграции из стран с высокой террористической активностью (Приложение 3з), однако сама по себе миграция снижает количество терактов (Vove, Böhmelt, 2016). При этом в определенных условиях введение миграционных ограничений также снижает количество терактов. Однако это не универсальное правило: например, в странах с маленьким притоком мигрантов ограничение на пересечение границы, напротив, увеличивает число терактов (Böhmelt, Vove, 2019). Замечена также перевернутая U-образная связь между количеством туристов и международным терроризмом (Goldman, Neubauer-Shani, 2016).

Существует сильная взаимосвязь репрессий и террористической активности (Приложение 3и): было установлено однозначное линейное положительное влияние репрессий на терроризм. Насилие и массовые убийства со стороны государства рождают и усиливают террористическое насилие, поскольку создают стимулы к мести. Также государственное насилие часто выступает оправданием для террористического насилия (Avdan, Uzonyi, 2017).

Сильное влияние на террористическую активность оказывают прошлые террористические атаки — чем больше атак было в прошлом, тем более вероятно, что теракты продолжатся в будущем (Приложение 3к). Причем такой эффект наблюдается как у внутреннего, так и у внешнего терроризма (Kis-Katos, Liebert, Schulze, 2011; Findley, Young, 2011; Young, Dugan, 2011; Choi, Luo, 2013; Freytag, Kruger et al., 2011; Goldman, Neubauer-Shani, 2016).

Отдельно можно выделить работы, посвященные исследованию определенных видов терроризма. Например, было показано, что религиозный терроризм является следствием недостатка религиозной свободы (Saiya, Scime, 2015). Однако после терактов 11 сентября многие правительства проводили прямо противоположную политику: угроза, исходящая от религиозного радикализма, использовалась в качестве предлога для религиозных ограничений и репрессий против религиозных групп. Исследования же показывают, что религиозная дискриминация всегда работает против стабильности и безопасности.

Помимо упомянутых выше групп факторов, существуют две категории, которые сильно отличаются от рассмотренных (Приложения 4, 5). Например, обнаружены четыре работы, исследующие не страновые эффекты, а группировки (Приложение 4). Они фокусируются на рассмотрении того, как идеология группировки влияет на вероятность перехода к тактике террора (Abrahms, Potter, 2015; Asal, Hoffman, 2016; Henne, 2012; Lafree et al., 2018), было показано, что религиозные группы более склонны к проведению террористических актов (Henne, 2012; Abrahms, Potter, 2015). Этот эффект подтвержден на примере исламистских группировок (Henne, 2012; Lafree et al., 2018). Обратный эффект наблюдается при рассмотрении левых группировок — при прочих равных им менее свойственно прибегать к террору (Asal, Hoffman, 2016; Lafree et al., 2018). Смешанные результаты были описаны при анализе этнорелигиозных группировок, группировок, контролирующих конкретную территорию, а также при исследовании влияния возраста участников таких группировок.

Прочие переменные (Приложение 5) включают в себя имеющие обычно инструментальный характер и выступающие в исследовании в качестве контрольных. Среди них площадь страны (Приложение 5а) и принадлежность к какому-то региону (Приложение 5б). Использование данных переменных не обнаружило значимых эффектов, но позволило уточнить спецификацию используемых моделей, добавив соответствующие контрольные переменные.

Иногда закономерности работают лишь в определенных исторических обстоятельствах. Для того чтобы это учитывать, авторы используют ряд дамми-переменных, контролирующих изменение периодов. Такие переменные существуют в отношении холодной войны¹⁶ и «Войны против терроризма» (*War on terror*), начатой США после атак 11 сентября. Также на страновом уровне использовались переменные, связанные с достижением соглашения о прекращении огня в Турции, или переменные Первой войны в Заливе¹⁷.

16. См.: Aksoy, 2014; Aksoy, Carter, Wright, 2012; Avdan, Uzonyi, 2017; Bell et al., 2014; Bove, Böhmelt, 2016; Braithwaite, Chu, 2018; Danzell, 2011; Findley, Young, 2011; Harris, Milton, 2016; Meierrieks, Gries, 2012; Wilson, Piazza, 2013; Young, Dugan, 2011, а также см. Приложение 5в.

17. Результаты, полученные в страновых статьях, не всегда учитывались нами в данном исследовании — в первую очередь потому, что существует проблема воспроизводимости и обобщения результатов, полученных на примере отдельных стран. В то же время некоторые страны выбираются в качестве кейса для исследования чаще других, что также может привести к смещению результатов. Например, за последнее десятилетие было опубликовано большое количество статей по Турции

Заключение. Характеристика количественных исследований терроризма 2011–2022 годов и их основных результатов

За минувшее десятилетие было опубликовано большое количество работ по количественному изучению терроризма, которые продолжили исследования предыдущих лет. Среди предикторов терроризма наиболее часто встречались переменные, касающиеся уровня экономического развития (подушевой ВВП/ВНД), уровня неравенства, наличия внутренних или внешних конфликтов в стране, уровня демократичности политического режима, внешнего вторжения (оккупации или интервенции) и прошлых террористических атак, поскольку страны, где теракты совершались в прошлом, более подвержены терактам в настоящем. Часто используются разные переменные для того, чтобы проанализировать влияние одного предиктора. Например, для оценки влияния уровня экономического развития на терроризм может анализироваться как подушевой ВВП, так и подушевой ВНД, а для оценки влияния неравенства — коэффициент Джини или, скажем, индекс Тейлора. То же справедливо и в отношении зависимой переменной. Авторы могут использовать количество терактов, количество успешных терактов, факт теракта в указанный год, только религиозный терроризм, количество атак террористов-смертников или другие. Иногда сложные переменные, которые часто воспринимаются как нечто единое, декомпозируются. Ранее упоминаемый *State Failure Index* рассматривается как совокупность переменных, что позволяет выделить конкретные компоненты индекса, влияющие на террористическую активность (Coggins, 2015).

При этом политические переменные встречаются прежде всего в статьях, изучающих глобальные и региональные закономерности террористической активности, но совершенно игнорируются в статьях, сравнивающих регионы одной страны. Это связано с несущественными политическими различиями внутри страны, а также невозможностью выявить значимые детерминанты на основании данных об одной конкретной стране.

Однако исследования террористической активности внутри страны позволяют обратить внимание на специфические для конкретного государства обстоятельства возникновения терроризма. Например, в своей статье Дж.А. Пиатца (Piazza, 2012) демонстрирует, что производство опиатов является хорошим предиктором уровня террористической активности в Афганистане.

Итак, исследования факторов террористической дестабилизации последних десяти лет дали следующие основные результаты. Они показали, что наибольшие риски террористической дестабилизации имеют страны с гибридным политическим режимом (анократией), в состоянии внутреннего или внешнего конфликта, со слабой центральной властью (например, «хрупкие» или «несостоявшиеся» государства), со средним уровнем социально-экономического развития (т. е. со сред-

и Пакистану (см., например: Shahbaz et al., 2013; Ismail, Amjad, 2014; Shahzad et al., 2016), в то же время малоисследованными остаются многие регионы Африки (Tinta, 2022).

ними уровнями подушевого ВВП, урбанизации и охвата населения формальным образованием), хотя в последние годы зона наибольшего риска террористической активности несколько сдвинулась в сторону социально-экономически наименее развитых стран. Кроме того, для государств с наиболее высокими рисками террористической дестабилизации характерны низкие темпы экономического роста и высокая инфляция, большие объемы иностранной финансовой поддержки (о возможных причинах этого см., например: Коротаев и др., 2021: 199–247), высокий уровень неравенства, достаточно многочисленное население, выраженная дискриминация меньшинств, а также высокий уровень репрессий. Помимо выделенных структурных факторов большое влияние оказывают предыдущие террористические атаки — чем больше терактов было в прошлом, тем более вероятно, что атаки продолжатся в будущем. Кроме того, оккупация территории одного государства другим также является важным предиктором будущего роста террористической активности. Разные эффекты могут наблюдаться при рассмотрении внутреннего и транснационального терроризма. Например, жертвами многих транснациональных атак становятся жители богатых демократических государств. Тем не менее большинство описанных эффектов остаются устойчивыми при рассмотрении разных видов терроризма.

Метаанализ существующей количественной литературы показал, что в настоящий момент исследователи концентрируются на выявлении нелинейных зависимостей, исследовании взаимодействия разных факторов и их влияния на терроризм (например, бедность+образованность, демократический режим+существование дискриминации меньшинств). Нелинейные модели изначально получили распространение при анализе влияния ВВП и политического режима на террористическую активность, затем нелинейная взаимосвязь была обнаружена и при анализе других переменных (урбанизация, гражданские права). Этот процесс дополняет исследование взаимодействия разных факторов. Например, было показано, что демократичность режима оказывает разное влияние в зависимости от того, сколько он существует — в молодых демократиях наблюдается большое количество террористических актов, но в зрелых политических режимах этот эффект меняется на противоположный — в демократиях, существующих более 25 лет, вероятность террористических атак значительно снижается. Подобные исследования также позволяют понять причины детектирования смешанных эффектов в разных исследованиях. Кроме этого, продолжается уточнение результатов, полученных в предыдущие годы. Начинает распространяться практика декомпозиции различных факторов — например, индекс хрупкости государств (Fragile State Index) в более ранних исследованиях рассматривался как единое целое, а в настоящий момент в анализе также отдельно изучаются и составляющие индекса. Становятся более распространенными статьи, фокусирующиеся на изучении конкретного региона, страны или временного периода. В них либо проверяется существование какой-то взаимосвязи, зафиксированной на общестрановых данных (Tinta, 2022), либо исследуется влияние факторов, свойственных только

данной стране (Derin-Güre, 2011; Akyuz, Armstrong, 2011). Дальнейшие исследования, вероятно, будут концентрироваться на менее изученных факторах, потенциальных нелинейных взаимосвязях, вводить новые малоизученные переменные, а также уточнять и специфицировать уже полученные результаты. Помимо этого, большой потенциал представляет проведение исследований, концентрирующихся на отдельных видах терроризма — международном или внутреннем, терроризме в составе группы или поодиночке, терактов с участием террористов-смертников или атак на государственных функционеров. Все это позволит понять природу и предикторы террористической активности, а также позволит лучше купировать потенциальные риски.

Литература

- Васькин И. А., Цирель С. В., Кортаев А. В. (2018). Экономический рост, образование и терроризм: опыт количественного анализа // Социологический журнал. Т. 24. № 2. С. 28–65.
- Кортаев А., Васькин И., Романов Д. (2019). Демократия и терроризм: новый взгляд на старую проблему // Социологическое обозрение. Т. 18. № 3. С. 9–48.
- Кортаев А., Медведев И., Слинько Е., Шульгин С. (2020). Эффективность систем глобального мониторинга рисков социально-политической дестабилизации: опыт систематического анализа // Социологическое обозрение. Т. 19. № 2. С. 143–197.
- Кортаев А. В. и др. (2021). Социально-политическая дестабилизация в странах африканской макрорегиона нестабильности: количественный анализ и прогнозирование рисков. М.: Ленанд/URSS.
- Нарочницкая Е. А. (2003). Терроризм и демократия (на примере этнического терроризма в странах Запада) // Актуальные проблемы Европы. № 1. С. 27–59.
- Abadie A., Gardeazabal J. (2008). Terrorism and the world economy // European Economic Review. Vol. 52. № 1. P. 1–27.
- Abrahms M., Potter P. B. (2015). Explaining terrorism: Leadership deficits and militant group tactics // International Organization. Vol. 69. № 2. P. 311–342.
- Ai C., Norton E. C. (2003). Interaction terms in logit and probit models // Economics letters. Vol. 80. № 1. P. 123–129.
- Aksoy D. (2014). Elections and the timing of terrorist attacks // The Journal of Politics. Vol. 76. № 4. P. 899–913.
- Aksoy D., Carter D. B., Wright J. (2012). Terrorism in dictatorships // Journal of Politics. Vol. 74. № 3. P. 810–826.
- Akyuz K., Armstrong T. (2011). Understanding the sociostructural correlates of terrorism in Turkey // International Criminal Justice Review. Vol. 21. № 2. P. 134–155.
- Arce D. G., Sandler T. (2003). An evolutionary game approach to fundamentalism and conflict // Journal of Institutional and Theoretical Economics (JITE). Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft. Vol. 159. № 1. P. 132–154.

- Asal V., Hoffman A. M.* (2016). Media effects: Do terrorist organizations launch foreign attacks in response to levels of press freedom or press attention? // *Conflict Management and Peace Science*. Vol. 33. № 4. P. 381–399.
- Avdan N., Uzonyi G.* (2017). V for vendetta: Government mass killing and domestic terrorism // *Studies in Conflict Terrorism*. Vol. 40. № 11. P. 934–965.
- Azam J.-P., Delacroix A.* (2006). Aid and the delegated fight against terrorism // *Review of Development Economics*. Vol. 10. № 2. P. 330–344.
- Azam J. P., Thelen, V.* (2008). The roles of foreign aid and education in the war on terror // *Public Choice*. Vol. 135. № 3. P. 375–397.
- Bagchi A., Paul J. A.* (2018). Youth unemployment and terrorism in the MENAP (Middle East, North Africa, Afghanistan, and Pakistan) region // *Socio-Economic Planning Sciences*. Vol. 64. P. 9–20.
- Bell S. R., Clay K. C., Murdie A., Piazza, J.* (2014). Opening yourself up: The role of external and internal transparency in terrorism attacks // *Political Research Quarterly*. Vol. 67. № 3. P. 603–614.
- Benmelech E., Berrebi C., Klor E. F.* (2015). Counter-suicide-terrorism: Evidence from house demolitions // *The Journal of Politics*. Vol. 77. № 1. P. 27–43.
- Blomberg, S. B., Hess, G. D.* (2008). The Lexus and the olive branch: globalization, democratization and terrorism // In *Keefer P., Loayza N.* (Eds.) *Terrorism, economic development, and political openness*. New York: Cambridge University Press.
- Boehmer C., Daube M.* (2013). The Curvilinear Effects of Economic Development on Domestic Terrorism // *Peace Economics, Peace Science, and Public Policy*. Vol. 19. № 3. P. 359–368.
- Bove V., Böhmelt T.* (2016). Does Immigration Induce Terrorism? // *The Journal of Politics*. Vol. 78. № 2. P. 572–588.
- Böhmelt T., Bove V.* (2020). How migration policies moderate the diffusion of terrorism // *European Journal of Political Research*. Vol. 59. № 1. P. 160–181.
- Boylan B. M.* (2016). What drives ethnic terrorist campaigns? A view at the group level of analysis // *Conflict Management and Peace Science*. Vol. 33. № 3. P. 250–272.
- Braithwaite A.* (2015). Transnational terrorism as an unintended consequence of a military footprint // *Security Studies*. Vol. 24. № 2. P. 349–375.
- Braithwaite A., Chu T. S.* (2018). Civil conflicts abroad, foreign fighters, and terrorism at home // *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 62. № 8. P. 1636–1660.
- Braithwaite A., Li Q.* (2007). Transnational terrorism hot spots: Identification and impact evaluation // *Conflict Management and Peace Science*. Vol. 24. № 4. P. 281–296.
- Brockhoff S., Krieger T., Meierrieks D.* (2015). Great expectations and hard times: The (nontrivial) impact of education on domestic terrorism // *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 24. № 4. P. 1186–1215.
- Burgoon B.* (2006). On welfare and terror: social welfare policies and political-economic roots of terrorism // *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 50. № 2. P. 176–203.
- Campos N. F., Gassebner M.* (2009). International terrorism, political instability and the escalation effect. CEP. Discussion Paper № DP7226. URL: <https://ssrn.com/abstract=1372546> (дата доступа: 13.01.2023).

- Caruso R., Schneider F.* (2011). The socio-economic determinants of terrorism and political violence in Western Europe (1994–2007) // *European Journal of Political Economy*. Vol. 27. P. S37–S49.
- Choi S., Luo S.* (2013). Economic sanctions, poverty, and international terrorism: An empirical analysis // *International Interactions*. Vol. 39. № 2. P. 217–245.
- Choi S., Piazza, J. A.* (2016). Internally displaced populations and suicide terrorism // *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 60. № 6. P. 1008–1040.
- Choi S., Piazza J. A.* (2017). Foreign military interventions and suicide attacks // *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 61. № 2. P. 271–297.
- Choi S., Salehyan, I.* (2013). No good deed goes unpunished: refugees, humanitarian aid, and terrorism // *Conflict Management and Peace Science*. Vol. 30. № 1. P. 53–75.
- Coggins B. L.* (2015). Does state failure cause terrorism? An empirical analysis (1999–2008) // *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 59. № 3. P. 455–483.
- Collard-Wexler S., Pischedda C., Smith M. G.* (2014). Do foreign occupations cause suicide attacks? // *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 58. № 4. P. 625–657.
- Crenshaw M.* (1981). The causes of terrorism // *Comparative politics*. Vol. 13. № 4. P. 379–399.
- Danzell O. E.* (2011). Political parties: When do they turn to terror? // *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 55. № 1. P. 85–105.
- Derin-Güre P.* (2011). Separatist terrorism and the economic conditions in south-eastern Turkey // *Defence and Peace Economics*. Vol. 22. № 4. P. 393–407.
- Drakos K., Gofas A.* (2006). In search of the average transnational terrorist attack venue // *Defence and Peace Economics*. Vol. 17. № 2. P. 73–93.
- Dreher A., Gassebner M., Siemers L. H.* (2010). Does terrorism threaten human rights? Evidence from panel data // *Journal of Law and Economics*. Vol. 53. № 1. P. 65–93.
- Enders W., Hoover G. A., Sandler T.* (2016). The changing nonlinear relationship between income and terrorism // *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 60. № 2. P. 195–225.
- Eubank W., Weinberg L.* (1994). Does democracy encourage terrorism? // *Terrorism and Political Violence*. Vol. 6. № 4. P. 417–435.
- Eubank W., Weinberg L.* (2001). Terrorism and democracy: Perpetrators and victims // *Terrorism and political violence*. Vol. 13. № 1. P. 155–164.
- Ezcurra R., Palacios D.* (2016). Terrorism and spatial disparities: Does interregional inequality matter? // *European Journal of Political Economy*. Vol. 42. P. 60–74.
- Fahey S., LaFree G.* (2015). Does country-level social disorganization increase terrorist attacks? // *Terrorism and Political Violence*. Vol. 27. № 1. P. 81–111.
- Findley M. G., Young J. K.* (2011). Terrorism, democracy, and credible commitments // *International Studies Quarterly*. Vol. 55. № 2. P. 357–378.
- Findley M. G., Young J. K.* (2012). More combatant groups, more terror?: Empirical tests of an outbidding logic // *Terrorism and Political Violence*. Vol. 24. № 5. P. 706–721.
- Foster D. M., Braithwaite A., Sobek D.* (2013). There can be no compromise: Institutional inclusiveness, fractionalization and domestic terrorism // *British Journal of Political Science*. Vol. 43. № 3. P. 541–557.

- Frey B. S., Luechinger S. (2003). How to fight terrorism: alternatives to deterrence // *Defence and Peace Economics*. Vol. 14. № 4. P. 237–249.
- Freytag A., Krüger J. J., Meierrieks D., Schneider F. (2011). The origins of terrorism: Cross-country estimates of socio-economic determinants of terrorism // *European Journal of Political Economy*. Vol. 27. P. S5–S16.
- Gaibulloev K., Piazza J. A., Sandler T. (2017). Regime types and terrorism // *International organization*. Vol. 71. № 3. P. 491–522.
- Gaibulloev K., Sandler T. (2022). Common myths of terrorism // *Journal of Economic Surveys*. Vol. 37. № 2. P. 271–301.
- Gassebner M., Jong-A-Pin R., Mierau J. O. (2008). Terrorism and electoral accountability: one strike, you're out! // *Economic Letters*. Vol. 100. № 1. P. 126–129.
- Gassebner M., Luechinger S. (2011). Lock, stock, and barrel: A comprehensive assessment of the determinants of terror // *Public Choice*. Vol. 149. № 3. P. 235–261.
- George J. (2018). State failure and transnational terrorism: An empirical analysis // *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 62. № 3. P. 471–495.
- Ghatak S., Gold A., Prins B. C. (2019). Domestic terrorism in democratic states: Understanding and addressing minority grievances // *Journal of conflict resolution*. Vol. 63. № 2. P. 439–467.
- Gleditsch K. S., Polo S. M. (2016). Ethnic inclusion, democracy, and terrorism // *Public Choice*. Vol. 169. № 3. P. 207–229.
- Goldman O. S., Neubauer-Shani M. (2017). Does international tourism affect international terrorism? // *Journal of Travel Research*. Vol. 56. № 4. P. 451–467.
- Greene W. (2010). Testing hypotheses about interaction terms in nonlinear models // *Economics Letters*. Vol. 107. № 2. P. 291–296.
- Gurr T. (1970). *Why men rebel*. Princeton: Princeton University Press.
- Hall J. (2021). In search of enemies: Donald Trump's populist foreign policy rhetoric // *Politics*. Vol. 41. № 1. P. 48–63.
- Harris C., Milton D. J. (2016). Is standing for women a stand against terrorism? Exploring the connection between women's rights and terrorism // *Journal of Human Rights*. Vol. 15. № 1. P. 60–78.
- Henne P. S. (2012). The ancient fire: Religion and suicide terrorism // *Terrorism and Political Violence*. Vol. 24. № 1. P. 38–60.
- Hlavac M. (2016). *ExtremeBounds: Extreme bounds analysis in R* // *Journal of Statistical Software*. Vol. 72. № 9. P. 1–22.
- Huntington S. (1996). *The clash of civilizations and the remaking of world order*. New York: Simon Schuster.
- Ismail A., Amjad S. (2014). Cointegration-causality analysis between terrorism and key macroeconomic indicators: Evidence from Pakistan // *International Journal of Social Economics*. Vol. 41. № 8. P. 664–682.
- Issaev L., Fain E., Korotayev A. (2021). Impact of the Arab Spring on Terrorist Activity in the Sahel // *Ideology and Politics Journal*. № 3(19). P. 34–49.

- Issaev L. M., Korotayev A. V., Bobarykina D. A.* (2022). The global terrorist threat in the Sahel and the origins of terrorism in Burkina Faso // *Vestnik RUDN. International Relations*. Vol. 22. № 2. P. 411–421.
- Kavanagh J.* (2011). Selection, availability, and opportunity: The conditional effect of poverty on terrorist group participation // *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 55. № 1. P. 106–132.
- Khokhlov N., Korotayev A.* (2022). Internet, political regime and terrorism: A quantitative analysis // *Cross-Cultural Research*. Vol. 56. № 4. P. 385–418.
- Koch M. T., Cranmer S.* (2007). Testing the “Dick Cheney” hypothesis: do governments of the Left attract more terrorism than governments of the Right? // *Conflict Management and Peace Science*. Vol. 24. № 3. P. 311–326.
- Korotayev A., Medvedev I., Zinkina J.* (2022). Global Systems for Sociopolitical Instability Forecasting and Their Efficiency. A Comparative Analysis // *Comparative Sociology*. Vol. 21. № 1. P. 64–104.
- Korotayev A., Romanov D., Zinkina J., Slav M.* (2023). Urban Youth and Terrorism: A Quantitative Analysis (Are Youth Bulges Relevant Anymore?) // *Political Studies Review*. <https://doi.org/10.1177/14789299221075908>
- Korotayev A., Vaskin I., Romanov D.* (2021). Terrorism and Democracy: A Reconsideration // *Comparative Sociology*. Vol. 20. № 3. P. 344–379.
- Korotayev A., Vaskin I., Tsirel S.* (2021). Economic growth, education, and terrorism: A re-analysis // *Terrorism and Political Violence*. Vol. 33. № 3. P. 572–595.
- Krieger T., Meierrieks D.* (2011). What causes terrorism? // *Public Choice*. Vol. 147. № 1. P. 3–27.
- Krieger T., Meierrieks D.* (2019). Income inequality, redistribution and domestic terrorism // *World Development*. Vol. 116. P. 125–136.
- Krueger A. B., Maleckova J.* (2003). Education, poverty and terrorism: is there a causal connection? // *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 17. № 4. P. 119–144.
- Kurrild-Klitgaard P., Justesen M. K., Klemmensen R.* (2006). The political economy of freedom, democracy and transnational terrorism // *Public Choice*. Vol. 128. № 1. P. 289–315.
- LaFree G., Bersani B. E.* (2014). County-level correlates of terrorist attacks in the United States // *Criminology & Public Policy*. Vol. 13. № 3. P. 455–481.
- Lafree G., Jensen M. A., James P. A., Safer-Lichtenstein A.* (2018). Correlates of violent political extremism in the United States // *Criminology*. Vol. 56. № 2. P. 233–268.
- Lai B.* (2007). “Draining the swamp”: an empirical examination of the production of international terrorism, 1968–1998 // *Conflict Management and Peace Science*. Vol. 24. № 4. P. 297–310.
- Lee A.* (2011). Who becomes a terrorist?: Poverty, education, and the origins of political violence // *World politics*. Vol. 63. № 2. P. 203–245.
- Li Q.* (2005). Does democracy promote or reduce transnational terrorist incidents? // *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 49. № 2. P. 278–297.
- Mascarenhas R., Sandler T.* (2014). Remittances and terrorism: A global analysis // *Defence and Peace Economics*. Vol. 25. № 4. P. 331–347.

- Meierrieks D.* (2014). Economic determinants of terrorism // *Contributions to Conflict Management, Peace Economics and Development*. Vol. 22. P. 25-49.
- Meierrieks D., Gries T.* (2012). Economic performance and terrorist activity in Latin America // *Defence and Peace Economics*. Vol. 23. № 5. P. 447-470.
- Midlarsky M., Crenshaw M., Yoshida F.* (1980). Why violence spreads: the contagion of international terrorism // *International Studies Quarterly*. Vol. 24. № 2. P. 262-298.
- Mullins C. W., Young J. K.* (2012). Cultures of violence and acts of terror: Applying a legitimization-habituation model to terrorism // *Crime Delinquency*. Vol. 58. № 1. P. 28-56.
- Murdie A., Stapley C. S.* (2014). Why target the "good guys"? The determinants of terrorism against NGOs // *International Interactions*. Vol. 40. № 1. P. 79-102.
- Nitsch V., Schumacher D.* (2004). Terrorism and international trade: an empirical investigation // *European Journal of Political Economy*. Vol. 20. № 2. P. 423-433.
- Okafor G., Piesse J.* (2018). Empirical investigation into the determinants of terrorism: Evidence from fragile states // *Defence and Peace Economics*. Vol. 29. № 6. P. 697-711.
- Paul J. A., Bagchi A.* (2018). Does terrorism increase after a natural disaster? An analysis based upon property damage // *Defence and peace economics*. Vol. 29. № 4. P. 407-439.
- Piazza J. A.* (2006). Rooted in poverty?: Terrorism, poor economic development, and social cleavages // *Terrorism and Political Violence*. Vol. 18. № 1. P. 159-177.
- Piazza J. A.* (2008). Do democracy and free markets protect us from terrorism? // *International Politics*. Vol. 45. № 1. P. 72-91.
- Piazza J. A.* (2011). Poverty, minority economic discrimination, and domestic terrorism // *Journal of Peace Research*. Vol. 48. № 3. P. 339-353.
- Piazza J. A.* (2012). The opium trade and patterns of terrorism in the provinces of Afghanistan: An empirical analysis // *Terrorism and Political Violence*. Vol. 24. № 2. P. 213-234.
- Piazza J. A.* (2013). Regime age and terrorism: Are new democracies prone to terrorism? // *International Interactions*. Vol. 39. № 2. P. 246-263.
- Plümper T., Neumayer E.* (2010). The friend of my enemy is my enemy: international alliances and international terrorism // *European Journal of Political Research*. Vol. 49. № 1. P. 75-96.
- Richardson C.* (2011). *Relative deprivation theory in terrorism: A study of higher education and unemployment as predictors of terrorism*. New York: New York University.
- Robison K. K., Crenshaw E. M., Jenkins J. C.* (2006). Ideologies of violence: the social origins of Islamist and Leftist international terrorism // *Social Forces*. Vol. 84. № 4. P. 2009-2026.
- Saiya N.* (2017). Blasphemy and terrorism in the Muslim world // *Terrorism and Political Violence*. Vol. 29. № 6. P. 1087-1105.
- Saiya N.* (2019). Religion, state, and terrorism: A global analysis // *Terrorism and Political Violence*. Vol. 31. № 2. P. 204-223.

- Salman A.* (2015). Green houses for terrorism: measuring the impact of gender equality attitudes and outcomes as deterrents of terrorism // *International Journal of Comparative and Applied Criminal Justice*. Vol. 39. № 4. P. 281–306.
- Sambanis N.* (2008). Terrorism and civil war // *Keefner P., Loayza N.* (eds.). *Terrorism, economic development, and political openness*. Cambridge: Cambridge University Press. P. 174–206.
- Shahbaz M., Shabbir M., Malik M., Wolters M.* (2013). An analysis of a causal relationship between economic growth and terrorism in Pakistan // *Economic Modelling*. Vol. 35. P. 21–29.
- Shahzad, S. J., Zakaria, M., Rehman, M. U., Ahmed, T., Fida, B. A.* (2016). Relationship between FDI, terrorism and economic growth in Pakistan: Pre and post 9/11 analysis // *Social Indicators Research*. Vol. 127. P. 179–194.
- Smith M., Zeigler S. M.* (2017). Terrorism before and after 9/11—a more dangerous world? // *Research & Politics*. Vol. 4. № 4. P. 538–556.
- Tavares J.* (2004). The open society assesses its enemies: shocks, disasters and terrorist attacks // *Journal of monetary economics*. Vol. 51. № 5. P. 1039–1070.
- Tinta A.* (2022). Are more educated people more likely to engage in terrorism // *Applied Economics*. <https://doi.org/10.1080/00036846.2022.2128181>
- Weinberg L. B., Eubank W. L.* (1998). Terrorism and democracy: What recent events disclose // *Terrorism and Political Violence*. Vol. 10. № 1. P. 108–118.
- Wilson M. C., Piazza J. A.* (2013). Autocracies and terrorism: Conditioning effects of authoritarian regime type on terrorist attacks // *American Journal of Political Science*. Vol. 57. № 4. P. 941–955.
- Younas J., Sandler T.* (2017). Gender imbalance and terrorism in developing countries // *Journal of conflict resolution*. Vol. 61. № 3. P. 483–510.

Quantitative Analysis of Factors of Terrorist Activities: A Systematic Review

Elijah Sumernikov

Research Intern at the Research Center for Stability and Risk Studies, HSE University.

Address: 20 Myasnitskaya str., Moscow, 101000 Russian Federation

E-mail: iasumernikov@hse.ru

Andrey Ufimtsev

Research Intern at the Laboratory for Climate Change Economics, HSE University.

Address: 17/1 Malaya Ordynka str., Moscow, 109028 Russian Federation

E-mail: aufimtsev@hse.ru

Maxim Slav

Scientific researcher, National Institute for Economic Research, Academy of Economic Studies of Moldova.

Address: Ion Creanga, 45, Chisinau, MD-2064, Moldova

E-mail: mgsprav@gmail.com

Andrey V. Korotayev

Doctor of Historical Sciences; Director of the Research Center for Stability and Risk Studies, HSE University;

Chief Researcher at the Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences.

Address: 20 Myasnitskaya str., Moscow, 101000 Russian Federation

E-mail: akorotayev@gmail.com

Since the beginning of the 21st century, the number of empirical studies devoted to the analysis of factors influencing the risks of terrorist activity has grown significantly. At the same time, assessments of the influence of individual factors may differ in various studies, due to which there is a need for a generalizing work that will consider the key results of the studies. The last generalizing works were published in English in 2011. Since then, a large number of works have appeared that clarify the influence of various determinants of terrorism. This study presents an analysis of the results of quantitative studies of factors influencing terrorist activity. As part of the study, 75 papers published in 2011–2022 have been analyzed. The most widely studied determinants of terrorism can be divided into three groups: political, social and economic. A total of 53 factors were identified, the statistical significance of which was demonstrated in at least two studies. Studies of the factors of terrorist destabilization of the last ten years have yielded the following main results. They have shown that countries with a hybrid political regime (anocracy), in a state of internal or external conflict, with a weak central government (for example, “fragile” or “failed” states), with an intermediate level of socio-economic development (i.e. with intermediate levels of GDP per capita, urbanization and education) have the greatest risks of terrorist destabilization, although in recent years the zone of greatest risk of terrorist activity has shifted somewhat towards the socio-economically least developed countries. In addition, these states are characterized by low rates of economic growth, high inflation, large amounts of foreign financial aid, high levels of inequality, a fairly large population, pronounced discrimination against minorities, as well as high levels of repression and terrorist activity in previous years.

Keywords: terrorism, destabilization, quantitative analysis, cross-national research, modernization, economic factors, political regimes, risks

References

- Abadie A., Gardeazabal J. (2008) Terrorism and the world economy. *European Economic Review*, vol. 52, no 1, pp. 1–27.
- Abrahms M., Potter P. B. (2015) Explaining terrorism: Leadership deficits and militant group tactics. *International Organization*, vol. 69, no 2, pp. 311–342.
- Ai C., Norton E. C. (2003) Interaction terms in logit and probit models. *Economics letters*, vol. 80, no 1, pp. 123–129.
- Aksoy D. (2014) Elections and the timing of terrorist attacks. *The Journal of Politics*, vol. 76, no 4, pp. 899–913.
- Aksoy D., Carter D. B., Wright J. (2012) Terrorism in dictatorships. *Journal of Politics*, vol. 74, no 3, pp. 810–826.
- Akyuz K., Armstrong T. (2011) Understanding the sociostructural correlates of terrorism in Turkey. *International Criminal Justice Review*, vol. 21, no 2, pp. 134–155.
- Arce D. G., Sandler T. (2003) An evolutionary game approach to fundamentalism and conflict. *Journal of Institutional and Theoretical Economics (JITE). Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft*, vol. 159, no 1, pp. 132–154.
- Asal V., Hoffman A. M. (2016) Media effects: Do terrorist organizations launch foreign attacks in response to levels of press freedom or press attention? *Conflict Management and Peace Science*, vol. 33, no 4, pp. 381–399.
- Avdan N., Uzonyi G. (2017) V for vendetta: Government mass killing and domestic terrorism. *Studies in Conflict Terrorism*, vol. 40, no 11, pp. 934–965.

- Azam J.-P., Delacroix A. (2006) Aid and the delegated fight against terrorism. *Review of Development Economics*, vol. 10, no 2, pp. 330–344.
- Azam J., Thelen V. (2008) The roles of foreign aid and education in the war on terror. *Public Choice*, vol. 135, no 3, pp. 375–397.
- Bagchi A., Paul J. A. (2018) Youth unemployment and terrorism in the MENAP (Middle East, North Africa, Afghanistan, and Pakistan) region. *Socio-Economic Planning Sciences*, vol. 64, pp. 9–20.
- Bell S. R., Clay K. C., Murdie A., Piazza, J. (2014) Opening yourself up: The role of external and internal transparency in terrorism attacks. *Political Research Quarterly*, vol. 67, no 3, pp. 603–614.
- Benmelech E., Berrebi C., Klor E. F. (2015) Counter-suicide-terrorism: Evidence from house demolitions. *The Journal of Politics*, vol. 77, no 1, pp. 27–43.
- Blomberg S. B., Hess G. D. (2008) The Lexus and the olive branch: globalization, democratization and terrorism. *Terrorism, economic development, and political openness* (P. Keefer, N. Loayza Eds.), New York: Cambridge University Press.
- Boehmer C., Daube M. (2013) The Curvilinear Effects of Economic Development on Domestic Terrorism. *Peace Economics, Peace Science, and Public Policy*, vol. 19, no 3, pp. 359–368.
- Bove V., Böhmelt T. (2016) Does Immigration Induce Terrorism? *The Journal of Politics*, vol. 78, no 2, pp. 572–588.
- Böhmelt T., Bove V. (2020) How migration policies moderate the diffusion of terrorism. *European Journal of Political Research*, vol. 59, no 1, pp. 160–181.
- Boylan B. M. (2016) What drives ethnic terrorist campaigns? A view at the group level of analysis. *Conflict Management and Peace Science*, vol. 33, no 3, pp. 250–272.
- Braithwaite A. (2015) Transnational terrorism as an unintended consequence of a military footprint. *Security Studies*, vol. 24, no 2, pp. 349–375.
- Braithwaite A., Chu T. S. (2018) Civil conflicts abroad, foreign fighters, and terrorism at home. *Journal of Conflict Resolution*, vol. 62, no 8, pp. 1636–1660.
- Braithwaite A., Li Q. (2007) Transnational terrorism hot spots: Identification and impact evaluation. *Conflict Management and Peace Science*, vol. 24, no 4, pp. 281–296.
- Brockhoff S., Krieger T., Meierrieks D. (2015) Great expectations and hard times: The (nontrivial) impact of education on domestic terrorism. *Journal of Conflict Resolution*, vol. 24, no 4, pp. 1186–1215.
- Burgoon B. (2006) On welfare and terror: social welfare policies and political-economic roots of terrorism. *Journal of Conflict Resolution*, vol. 50, no 2, pp. 176–203.
- Campos N. F., Gassebner M. (2009) International terrorism, political instability and the escalation effect. CEP. Discussion Paper. no. DP7226. URL: <https://ssrn.com/abstract=1372546> (дата доступа: 13.01.2023).
- Caruso R., Schneider F. (2011) The socio-economic determinants of terrorism and political violence in Western Europe (1994–2007). *European Journal of Political Economy*, vol. 27, pp. S37–S49.

- Choi S., Luo S. (2013) Economic sanctions, poverty, and international terrorism: An empirical analysis. *International Interactions*, vol. 39, no 2, pp. 217–245.
- Choi S., Piazza, J. A. (2016) Internally displaced populations and suicide terrorism. *Journal of Conflict Resolution*, vol. 60, no 6, pp. 1008–1040.
- Choi S., Piazza J. A. (2017) Foreign military interventions and suicide attacks. *Journal of Conflict Resolution*, vol. 61, no 2, pp. 271–297.
- Choi S., Salehyan, I. (2013) No good deed goes unpunished: refugees, humanitarian aid, and terrorism. *Conflict Management and Peace Science*, vol. 30, no 1, pp. 53–75.
- Coggins B. L. (2015) Does state failure cause terrorism? an empirical analysis (1999–2008). *Journal of Conflict Resolution*, vol. 59, no 3, pp. 455–483.
- Collard-Wexler S., Pischedda C., Smith M. G. (2014) Do foreign occupations cause suicide attacks? *Journal of Conflict Resolution*, vol. 58, no 4, pp. 625–657.
- Crenshaw M. (1981) The causes of terrorism. *Comparative politics*, vol. 13, no 4, pp. 379–399.
- Danzell O. E. (2011) Political parties: When do they turn to terror? *Journal of Conflict Resolution*, vol. 55, no 1, pp. 85–105.
- Derin-Güre P. (2011) Separatist terrorism and the economic conditions in south-eastern Turkey. *Defence and Peace Economics*, vol. 22, no 4, pp. 393–407.
- Drakos K., Gofas A. (2006) In search of the average transnational terrorist attack venue. *Defence and Peace Economics*, vol. 17, no 2, pp. 73–93.
- Dreher A., Gassebner M., Siemers L. H. (2010) Does terrorism threaten human rights? Evidence from panel data. *The Journal of Law and Economics*, vol. 53, no 1, pp. 65–93.
- Enders W., Hoover G. A., Sandler T. (2016) The changing nonlinear relationship between income and terrorism. *Journal of Conflict Resolution*, vol. 60, no 2, pp. 195–225.
- Eubank W., Weinberg L. (1994) Does democracy encourage terrorism? *Terrorism and Political Violence*, vol. 6, no 4, pp. 417–435.
- Eubank W., Weinberg L. (2001) Terrorism and democracy: Perpetrators and victims. *Terrorism and political violence*, vol. 13, no 1, pp. 155–164.
- Ezcurra R., Palacios D. (2016) Terrorism and spatial disparities: Does interregional inequality matter? *European Journal of Political Economy*, vol. 42, pp. 60–74.
- Fahey S., LaFree G. (2015) Does country-level social disorganization increase terrorist attacks? *Terrorism and Political Violence*, vol. 27, no 1, pp. 81–111.
- Findley M. G., Young J. K. (2011) Terrorism, democracy, and credible commitments. *International Studies Quarterly*, vol. 55, no 2, pp. 357–378.
- Findley M. G., Young, J. K. (2012) More combatant groups, more terror? Empirical tests of an outbidding logic. *Terrorism and Political Violence*, vol. 24, no 5, pp. 706–721.
- Foster D. M., Braithwaite A., Sobek D. (2013) There can be no compromise: Institutional inclusiveness, fractionalization and domestic terrorism. *British Journal of Political Science*, vol. 43, no 3, pp. 541–557.
- Frey B. S., Luechinger S. (2003) How to fight terrorism: alternatives to deterrence. *Defence and Peace Economics*, vol. 14, no 4, pp. 237–249.

- Freytag A., Krüger J. J., Meierrieks D., Schneider F. (2011) The origins of terrorism: Cross-country estimates of socio-economic determinants of terrorism. *European Journal of Political Economy*, vol. 27, pp. S5–S16.
- Gaibulloev K., Piazza J. A., Sandler T. (2017) Regime types and terrorism. *International organization*, vol. 71, no 3, pp. 491–522.
- Gaibulloev K., Sandler T. (2022) Common myths of terrorism. *Journal of Economic Surveys*, vol. 37, no 2, pp. 271–301.
- Gassebner M., Jong-A-Pin R., Mierau J. O. (2008) Terrorism and electoral accountability: one strike, you're out! *Economic Letters*, vol. 100, no 1, pp. 126–129.
- Gassebner M., Luechinger S. (2011) Lock, stock, and barrel: A comprehensive assessment of the determinants of terror. *Public Choice*, vol. 149, no 3, pp. 235–261.
- George J. (2018) State failure and transnational terrorism: An empirical analysis. *Journal of Conflict Resolution*, vol. 62, no 3, pp. 471–495.
- Ghatak S., Gold A., Prins B. C. (2019) Domestic terrorism in democratic states: Understanding and addressing minority grievances. *Journal of conflict resolution*, vol. 63, no 2, pp. 439–467.
- Gleditsch K. S., Polo S. M. (2016) Ethnic inclusion, democracy, and terrorism. *Public Choice*, vol. 169, no 3, pp. 207–229.
- Goldman O. S., Neubauer-Shani M. (2017) Does international tourism affect international terrorism? *Journal of Travel Research*, vol. 56, no 4, pp. 451–467.
- Greene W. (2010) Testing hypotheses about interaction terms in nonlinear models. *Economics Letters*, vol. 107, no 2, pp. 291–296.
- Gurr T. (1970) *Why men rebel*, Princeton: Princeton University Press.
- Hall J. (2021) In search of enemies: Donald Trump's populist foreign policy rhetoric. *Politics*, vol. 41, no 1, pp. 48–63.
- Harris C., Milton D. J. (2016) Is standing for women a stand against terrorism? Exploring the connection between women's rights and terrorism. *Journal of Human Rights*, vol. 15, no 1, pp. 60–78.
- Henne P. S. (2012) The ancient fire: Religion and suicide terrorism. *Terrorism and Political Violence*, vol. 24, no 1, pp. 38–60.
- Hlavac M. (2016) ExtremeBounds: Extreme bounds analysis in R. *Journal of Statistical Software*, vol. 72, no 9, pp. 1–22.
- Huntington S. (1996) *The clash of civilizations and the remaking of world order*, New York: Simon Schuster.
- Issaev L., Fain E., Korotayev A. (2021). Impact of the Arab Spring on Terrorist Activity in the Sahel. *Ideology and Politics Journal*, no 3(19), pp. 34–49.
- Issaev L. M., Korotayev A. V., Bobarykina D. A. (2022) The global terrorist threat in the Sahel and the origins of terrorism in Burkina Faso. *Vestnik RUDN. International Relations*, vol. 22, no 2, pp. 411–421.
- Ismail A., Amjad S. (2014) Cointegration-causality analysis between terrorism and key macroeconomic indicators: Evidence from Pakistan. *International Journal of Social Economics*, vol. 41, no 8, pp. 664–682.

- Kavanagh J. (2011) Selection, availability, and opportunity: The conditional effect of poverty on terrorist group participation. *Journal of Conflict Resolution*, vol. 55, no 1, pp. 106–132.
- Khokhlov N., Korotayev A. (2022) Internet, political regime and terrorism: A quantitative analysis. *Cross-Cultural Research*, vol. 56, no 4, pp. 385–418.
- Koch M. T., Cranmer S. (2007) Testing the “Dick Cheney” hypothesis: do governments of the Left attract more terrorism than governments of the Right? *Conflict Management and Peace Science*, vol. 24, no 3, pp. 311–326.
- Korotayev A. V. et al. (2021) *Sotsial'no-politicheskaya destabilizatsiya v stranakh afraziyskoy makrozony nestabil'nosti: kolichestvennyy analiz i prognozirovaniye riskov* [Socio-political destabilization in the countries of the Afro-Asian macrozone of instability: quantitative analysis and risk forecasting], Moscow: Lenand/URSS (In Russian).
- Korotayev A., Medvedev I., Slinko E., Shulgin S. (2020) The Effectiveness of Global Systems for Monitoring Sociopolitical Instability: A Systematic Analysis. *Russian Sociological Review*, vol. 19, no 2, pp. 143–197. (In Russian)
- Korotayev A., Medvedev I., Zinkina J. (2022) Global Systems for Sociopolitical Instability Forecasting and Their Efficiency. A Comparative Analysis. *Comparative Sociology*, vol. 21, no 1, pp. 64–104.
- Korotayev A., Vaskin I., Romanov D. (2019) Demokratija i terorizm: novyj vzgljad na staruju problemu [Democracy and terrorism: a reanalysis]. *Russian Sociological Review*, vol. 18, no 3, pp. 9–48. (In Russian)
- Korotayev A., Vaskin I., Romanov D. (2021). Terrorism and Democracy: A Reconsideration. *Comparative Sociology*, vol. 20, no 3, pp. 344–379.
- Korotayev A., Vaskin I., Tsirel S. (2021). Economic growth, education, and terrorism: A re-analysis. *Terrorism and Political Violence*, vol. 33, no 3, pp. 572–595.
- Krieger T., Meierrieks D. (2011) What causes terrorism? *Public Choice*, vol. 147, no 1, pp. 3–27.
- Krieger T., Meierrieks D. (2019) Income inequality, redistribution and domestic terrorism. *World Development*, vol. 116, pp. 125–136.
- Krueger A. B., Maleckova J. (2003) Education, poverty and terrorism: is there a causal connection? *Journal of Economic Perspectives*, vol. 17, no 4, pp. 119–144.
- Kurrild-Klitgaard P., Justesen M. K., Klemmensen R. (2006) The political economy of freedom, democracy and transnational terrorism. *Public Choice*, vol. 128, no 1, pp. 289–315.
- LaFree G., Bersani B. E. (2014) County-level correlates of terrorist attacks in the United States. *Criminology & Public Policy*, vol. 13, no 3, pp. 455–481.
- LaFree G., Jensen M. A., James P. A., Safer-Lichtenstein A. (2018) Correlates of violent political extremism in the United States. *Criminology*, vol. 56, no 2, pp. 233–268.
- Lai B. (2007) “Draining the swamp”: an empirical examination of the production of international terrorism, 1968–1998. *Conflict Management and Peace Science*, vol. 24, no 4, pp. 297–310.

- Lee A. (2011) Who becomes a terrorist?: Poverty, education, and the origins of political violence. *World politics*, vol. 63, no 2, pp. 203–245.
- Li Q. (2005) Does democracy promote or reduce transnational terrorist incidents? *Journal of Conflict Resolution*, vol. 49, no 2, pp. 278–297.
- Mascarenhas R., Sandler T. (2014) Remittances and terrorism: A global analysis. *Defence and Peace Economics*, vol. 25, no 4, pp. 331–347.
- Meierrieks D., Gries T. (2012) Economic performance and terrorist activity in Latin America. *Defence and Peace Economics*, vol. 23, no 5, pp. 447–470.
- Meierrieks D. (2014) Economic determinants of terrorism. In *Understanding Terrorism. Contributions to Conflict Management, Peace Economics and Development*, vol. 22, pp. 25–49.
- Midlarsky M., Crenshaw M., Yoshida F. (1980) Why violence spreads: the contagion of international terrorism. *International Studies Quarterly*, vol. 24, no 2, pp. 262–298.
- Mullins C. W., Young J. K. (2012) Cultures of violence and acts of terror: Applying a legitimization-habituation model to terrorism. *Crime Delinquency*, vol. 58, no 1, pp. 28–56.
- Murdie A., Stapley C. S. (2014) Why target the “good guys”? The determinants of terrorism against NGOs. *International Interactions*, vol. 40, no 1, pp. 79–102.
- Narochnitskaya E. A. (2003) Terrorizm i demokratiya (na primere etnicheskogo terrorizma v stranakh Zapada) [Terrorism and democracy (using the example of ethnic terrorism in Western countries)]. *Aktualnyye problemy Evropy*, no 1, pp. 27–59. (In Russian)
- Nitsch V., Schumacher D. (2004) Terrorism and international trade: an empirical investigation. *European Journal of Political Economy*, vol. 20, no 2, pp. 423–433.
- Okafor G., Piesse J. (2018) Empirical investigation into the determinants of terrorism: Evidence from fragile states. *Defence and Peace Economics*, vol. 29, no 6, pp. 697–711.
- Paul J. A., Bagchi A. (2018) Does terrorism increase after a natural disaster? An analysis based upon property damage. *Defence and peace economics*, vol. 29, no 4, pp. 407–439.
- Piazza J. A. (2006) Rooted in poverty?: Terrorism, poor economic development, and social cleavages. *Terrorism and political Violence*, vol. 18, no 1, pp. 159–177.
- Piazza J. A. (2008) Do democracy and free markets protect us from terrorism? *International Politics*, vol. 45, no 1, pp. 72–91.
- Piazza J. A. (2011) Poverty, minority economic discrimination, and domestic terrorism. *Journal of Peace Research*, vol. 48, no 3, pp. 339–353.
- Piazza J. A. (2012) The opium trade and patterns of terrorism in the provinces of Afghanistan: An empirical analysis. *Terrorism and Political Violence*, vol. 24, no 2, pp. 213–234.
- Piazza J. A. (2013) Regime age and terrorism: Are new democracies prone to terrorism? *International Interactions*, vol. 39, no 2, pp. 246–263.
- Plümper T., Neumayer E. (2010) The friend of my enemy is my enemy: international alliances and international terrorism. *European Journal of Political Research*, vol. 49, no 1, pp. 75–96.
- Richardson C. (2011) *Relative deprivation theory in terrorism: A study of higher education and unemployment as predictors of terrorism*, New York: New York University.

- Robison K. K., Crenshaw E. M., Jenkins J. C. (2006) Ideologies of violence: the social origins of Islamist and Leftist international terrorism. *Social Forces*, vol. 84, no 4, pp. 2009–2026.
- Saiya N. (2017) Blasphemy and terrorism in the Muslim world. *Terrorism and Political Violence*, vol. 29, no 6, pp. 1087–1105.
- Saiya N. (2019) Religion, state, and terrorism: A global analysis. *Terrorism and Political Violence*, vol. 31, no 2, pp. 204–223.
- Salman A. (2015) Green houses for terrorism: measuring the impact of gender equality attitudes and outcomes as deterrents of terrorism. *International Journal of Comparative and Applied Criminal Justice*, vol. 39, no 4, pp. 281–306.
- Sambanis N. (2008) Terrorism and civil war. *Terrorism, economic development, and political openness* (eds. P. Keefer, N. Loayza), Cambridge: Cambridge University Press, pp. 174–206.
- Shahbaz M., Shabbir M., Malik M., Wolters M. (2013) An analysis of a causal relationship between economic growth and terrorism in Pakistan. *Economic Modelling*, vol. 35, pp. 21–29.
- Shahzad S. J., Zakaria M., Rehman M. U., Ahmed T., Fida B. A. (2016) Relationship between FDI, terrorism and economic growth in Pakistan: Pre and post 9/11 analysis. *Social Indicators Research*, vol. 127, pp. 179–194.
- Smith M., Zeigler S. M. (2017) Terrorism before and after 9/11—a more dangerous world? *Research & Politics*, vol. 4, no 4, pp. 538–556.
- Tavares J. (2004) The open society assesses its enemies: shocks, disasters and terrorist attacks. *Journal of monetary economics*, vol. 51, no 5, pp. 1039–1070.
- Tinta A. (2022) Are more educated people more likely to engage in terrorism. *Applied Economics*, <https://doi.org/10.1080/00036846.2022.2128181>
- Vaskin I., Tsirel S., Korotayev A. (2018) Jekonomicheskij rost, obrazovanie i terrorizm: opyt kolichestvennogo analiza [Economic growth, education and terrorism: experience in quantitative analysis]. *Sotsiologicheskij zhurnal*, vol. 24, no 2, pp. 28–65. (In Russian)
- Weinberg L. B., Eubank W. L. (1998) Terrorism and democracy: What recent events disclose. *Terrorism and Political Violence*, vol. 10, no 1, pp. 108–118.
- Wilson M. C., Piazza J. A. (2013) Autocracies and terrorism: Conditioning effects of authoritarian regime type on terrorist attacks. *American Journal of Political Science*, vol. 57, no 4, pp. 941–955.
- Younas J., Sandler T. (2017) Gender imbalance and terrorism in developing countries. *Journal of conflict resolution*, vol. 61, no 3, pp. 483–510.

Приложение 1. Группа переменных «Политические факторы»

а) Уровень демократии

1. Главная (Kis-Katos, Liebert, Schulze, 2011: 1) *d.v.* — внутренний терроризм: 13SP. *i.v.* — polity score (от -6 до 0): 1SP. polity score (от 1 до 7): 1SP. polity score (от 8 до 10): 1SP. 2) *d.v.* — международный терроризм: 13SP. *i.v.* — polity score (от -6 до 0): 1SP. polity score (от 1 до 7): 1SP. polity score (от 8 до 10): 1SP), (Wilson, Piazza, 2013: *d.v.* — вероятность отсутствия терактов: 2SN, количество терактов: 1IP/1IN) (Findley, Young, 2011: *i.v.* — 2SU, U-образная зависимость), (Aksoy, Carter, Wright, 2012: 2SP/2IP), (Piazza, 2013: *i.v.* — демократия Polity IV: 3SP. 0–5 лет: 3SP. 6–10 лет: 3SP. 11–20 лет: 3IP. 21–30 лет: 2IP/1SP. 31–50 лет: 3IP. 51+ лет: 2IN/1IP), (Gaibullov, Piazza, Sandler, 2017: *i.v.* — Polity 2: 8SU, перевернутая U-образная зависимость), (Ghatak, Gold, Prins, 2019: *i.v.* — демократия: 9SN/5SP/2IN, демократия*экономическая дискриминация меньшинств: 4SP. демократия*политическое исключение: 4SP), (Meierrieks, Gries, 2012: 3IP/3IN/1SU, перевернутая U-образная зависимость), (Boehmer, Daube, 2016: 1SP/1IP/1SU, перевернутая U-образная зависимость)
2. Контрольная (Brockhoff, Krieger, Meierrieks, 2015: 12SP/5SN/1IN), (Findley, Young, 2011: joint democracy: 2SP/2IN/2SN), (Henne, 2012: *d.v.* — смерть от атак: 5IP), (Choi, Luo, 2013: *d.v.* — международный терроризм: 4SP/2IP), (Choi, Salehyan, 2013: 1) *d.v.* — любой: 4SP/1IP. 2) внутренний: теракты: 1SP. факт происшествия: 1SP. жертвы: 1SP. 3) международный: теракты: 1SP. факт происшествия: 1SP. жертвы: 1SP); (Freitag, Kruger et al., 2011: 5SP); (Coggins, 2015: *i.v.* — polity 2: 28IP), (Mullins, Young, 2012: для count-модели: 3SN/2IP/1IN, для inflated-модели: 4IP/1IN/1SN); (Ezcurra, Palacios, 2016: *i.v.* — свободное государство: 6SP/2IP. несвободное: 6SN/2IN), (Collard-Wexler, Pischedda, Smith, 2014: *d.v.* — количество атак террористов-смертников, *i.v.* — polity: 7SP/1IP), (Fahey, LaFree, 2015: *i.v.* — полноценная демократия: *d.v.* — количество атак: 4SP/1IP. количество жертв: 1SP), (Krieger, Meierrieks, 2019: 10IP/1SP), (Braithwaite, Chu, 2018: *i.v.* — демократия: 3SP/1IP), (Foster, Braithwaite, Sobek, 2013: *i.v.* — продолжительность существования демократического режима (Years of democracy): 4SN/1IN), (George, 2018: *d.v.* — международный терроризм: *i.v.* — Attacks: 2SN/4IN/1IP. несвязанные атаки по исполнителю: 7SP. несвязанные атаки по месту: 4IN/3IP. логистически сложные атаки: 2SN/4IN/1IP. логистически простые атаки: 1SN/6IN), (Boylan, 2016: *i.v.* — уровень демократии в стране: 2IP/1IN), (Murdie, Stapley, 2014: *d.v.* — террористические атаки на НПО: 4IP/4IN), (Böhmelt, Bove, 2019: 6IP/1IN), (Smith, Zeigler, 2017: *d.v.* — любой терроризм: 2SP. внутренний терроризм: 5SP/1IP. международный терроризм: 6SP), (Salman, 2015: *d.v.* — любой терроризм: 9IP. внутренний терроризм: 9IP. международный терроризм: 9IP), (Choi, Piazza, 2017: *d.v.* — атаки террористов-смертников:

10SP/8IP/6IN), (Choi, Piazza, 2016: *d.v.* — атаки террористов-смертников: 3IP), (Bagchi, Paul, 2018: 2SP/6IP), (Saiya, 2016: 1SP/3IP), (Khokhlov, Korotayev, 2022: *i.v.* — Partial democracy: 3IP. partial democracy with factionalism: 2SP/1IP. partial democracy without factionalism: 3IP. full democracy: 3IP. polity index: 5IP/1IN/1SP), (Korotayev, Vaskin, Romanov, 2021: *i.v.* — any democracy: 2SP/2IP/1IN, factional democracy: 5SP. non-factional democracy: 5SN), (Korotayev, Vaskin, Tsirel, 2021: *i.v.* — Full autocracy: 1IN/1IP. factional democracy: 2SP. full democracy: 2SN)

б) Автократия, диктатура, гибридный режим, военное правление

1. Главная (Wilson, Piazza, 2013: 1) *i.v.* — Персоналистский режим: *d.v.* — ноль терактов: 1SP/1SN/1IP. количество терактов: 1SN/2IN, 2) *i.v.* — Военный режим: *d.v.* — ноль терактов: 1SN/1SP. количество терактов: 1SP/1IP. 3) *i.v.* — Гибридный режим: *d.v.* — ноль терактов: 1SP/1IN/1IP. количество терактов: 2SN/1IN, 4) *i.v.* — Гибридный режим с партиями: *d.v.* — ноль терактов: 2SP. количество терактов: 1SN/1IN), (Bove, Böhmelt, 2016: из Polity IV: *i.v.* — Персоналистский режим: 3SN или 2IN, Военный режим: 4IP или 1IN, Однопартийность: 5IN, Гибридный режим: 5IN), (Aksoy, Carter, Wright, 2012: *i.v.* — Режим с оппозиционными партиями, но без выборных законодательных органов: 6SP. Режим с оппозиционными партиями и с выборными законодательными органами: 4SN/2IN, Однопартийный режим: 6SN), (Piazza, 2013: *i.v.* — Dictatorship Polity IV: 3SN; 0–5 лет: 2IN/1SN; 6–10 лет: 3SN, 11–20 лет: 2SN/1IN, 21–30 лет: 3SN, 31–50 лет: 3SN, 51+ лет: 2SN/1IN)
2. Контрольная (Fahey, LaFree, 2015: *i.v.* — Полная автократия: количество атак — 5SN, количество жертв — 1IN), (Ghatak, Gold, Prins, 2019: *i.v.* — Анократия: 2SP/2IN), (Abrahms, Potter, 2015: *d.v.* — нападение на мирных жителей: 4SN)

в) Политический режим (для различных типизаций политических режимов: например, Polity IV и другие)

1. Главная (Gaibullov, Piazza, Sandler, 2017: *i.v.* — Polity 2: 8SU, перевернутая U-образная зависимость)
2. Контрольная (Findley, Young, 2012: 1) *i.v.* — Частично свободные: Для Count-модели: 1IP. Для inflate-модели: 1IN; 2) Несвободные: Для Count-модели: 1IN, Для inflate-модели: 1IN), (Goldman, Neubauer-Shani, 2016: *i.v.* — тип режима, *d.v.* — количество атак: где иностранцы совершают атаку: 1IP/1IN/1SN, где жертвами стали иностранцы: 1SN/1IN, где иностранцы и атакующие, и жертвы: 2IN/1SN, количество атак private parties: 2IN), (Foster, Braithwaite, Sobek, 2013: *i.v.* — Президентская система: 5SP), (Gleditsch, Polo, 2016: *i.v.* — Polity: 8SP/1IP/2IN/1SN, переход к более демо-

кратическому режиму: 2IN/1SP/1SN, без Азии: 1SN), (Asal, Hoffman, 2016: 2SN), (Avdan, Uzonyi, 2017: *d.v.* — внутренний терроризм: 7SP), (Richardson, 2011: *i.v.* — Polity: 2IP)

г) Долговечность/длительность политического режима (*durability*)

1. Главная (Kis-Katos, Liebert, Schulze, 2011: 1) *i.v.* — долговечность режима: *d.v.* — внутренний терроризм: 3SP. 2) *i.v.* — долговечность автократического режима: внутренний терроризм: 1SP. 3) *d.v.* — международный терроризм: 3SP. *d.v.* — международный терроризм: 1SP. 4) *i.v.* — долговечность демократии: *d.v.* — внутренний терроризм: 1IP. международный терроризм: 1SP), (Young, Dugan, 2011: 4SN), (Piazza, 2013: 6SN), (George, 2018: *d.v.* — международный терроризм: Attacks: 5IP/2IN, несвязанные атаки по исполнителю: 6IP/1IN, несвязанные атаки по месту: 7SP. логистически сложные атаки: 6IN/1IP. логистически простые атаки: 2SP/5IP)
2. Контрольная (Wilson, Piazza, 2013: *i.v.* — Durable (Polity IV): *d.v.* — ноль терактов: 3SP. количество терактов: 3SN), (Gaibullov, Piazza, Sandler, 2017: 3IP/3IN/2SP), (Bove, Böhmelt, 2016: 5IN), (Aksoy, Carter, Wright, 2012: 8SN/4IN), (Findley, Young, 2012: для Count-модели: 1IN, для inflate-модели: 1IN), (Piazza, 2011: *d.v.* — внутренний терроризм; для count-модели: 4SN/7IN; для inflated-модели: 5SP/5IP), (Coggins, 2015: 2IP/7IN), (Krieger, Meierrieks, 2019: 2IN), (Ghatak, Gold, Prins, 2019: 14SP/2IP), (Braithwaite, 2015: 7IP/1SN/2IN/1SP), (Choi, Piazza, 2016: *i.v.* — политическая долговечность, *d.v.* — атаки террористов-смертников: 2IP/1SP), (Bell et al., 2014: 3IN), (Caruso, Schneider, 2011: *d.v.* — количество атак: 3IN/1IP. *d.v.* — количество жертв: 2SP/2IP), (Boehmer, Daube, 2016: 2SN/1IN)

д) «Несостоятельность/хрупкость государств» (*state failure/fragility*):

1. Главная (Wilson, Piazza, 2013: *d.v.* — ноль терактов: 3SN, количество терактов: 3SP), (George, 2018: *d.v.* — международный (transnational) терроризм: Attacks: 1SP. несвязанные атаки по исполнителю: 1IP. несвязанные атаки по месту: 1IP. логистически сложные атаки: 1SP. логистически простые атаки: 1IP), (Okafor, Piesse, 2018: 4SP/2IP)
2. Контрольная (Bove, Böhmelt, 2016: 5SP), (Choi, Luo, 2013: *d.v.* — международный терроризм: 6SP), (Choi, Salehyan, 2013: *d.v.* — любой терроризм: 4SP/1IP. внутренний: теракты: 1SP. состоялся теракт или нет: 1SP. жертвы: 1SP. международный терроризм: теракты: 1SP. состоялся теракт или нет: 1SP. жертвы — 1SP), (Piazza, 2013: любой: 4SP. внутренний: 4SP. международный: 4SP), (Saiya, 2019: 3SP), (Braithwaite, Chu, 2018: 3SP/1IP), (Choi, Piazza, 2016: *d.v.* — атаки террористов-смертников: 2SP/2IP/2IN), (Saiya, 2016: 4SP), (Brockhoff, Krieger, Meierrieks, 2015: 18SP)

е) Наличие гражданской войны

Главная (Findley, Young, 2011: происхождение: 2SP/1IP/1IN/1SN, цель: 2SN/2IN/1IP), (Collard-Wexler, Pischedda, Smith, 2014: *d.v.* — количество атак террористов-смертников, *i.v.* — гражданская война: 5SP/2IP. сепаратисты+гражданская война: 1SP. гражданская война без сепаратистов: 1IP), (Braithwaite, Chu, 2018: *i.v.* — происходящий гражданский конфликт в стране происхождения террориста: 4SP)

Контрольная (Gaibullov, Piazza, Sandler, 2017: 8SP), (Aksoy, Carter, Wright, 2012: 9SP/3IP), (Freitag, Kruger et al., 2011: 5SP), (Coggins, 2015: 23SP и 5IP), (Ezcurra, Palacios, 2016: 4SP/4IP), (Krieger, Meierrieks, 2019: 11SP), (Saiya, 2019: *i.v.* — религиозная гражданская война: 3SP), (Ghatak, Gold, Prins, 2019: 16SP), (Gleditsch, Polo, 2016: 13SP/1SN), (Avdan, Uzonyi, 2017: *d.v.* — внутренний терроризм: 4SP/2IP), (Saiya, 2016: 4SP)

ж) Конфликты (любые — внешний и внутренний, война)

1. Главная (Kis-Katos, Liebert, Schulze, 2011: 1) *i.v.* — сколько лет идет конфликт: *d.v.* — внутренний терроризм: 13SP. международный терроризм: 12SP/1IP. 2) *i.v.* — сколько лет идет внутренний конфликт: *d.v.* — внутренний терроризм: 1SP. международный терроризм: 1SP. 3) *i.v.* — сколько лет идет международный конфликт: *d.v.* — внутренний терроризм: 1SP. международный терроризм: 1SP), (Young, Dugan, 2011: 3SP/1IP), (Findley, Young, 2011: *i.v.* — межгосударственная война, origin: 2IN/2IP/1SP. target: 3IN/2SP/2IP), (Mullins, Young, 2012: для count-модели — 3SP. для inflated-модели — 3SN), (Findley, Young, 2011: origin: 2SP/1IP/1IN/1SN, target: 2SN/2IN/1IP), (Collard-Wexler, Pischedda, Smith, 2014: *d.v.* — количество атак террористов-смертников, *i.v.* — межгосударственная война: 1IN), (Braithwaite, Chu, 2018: *i.v.* — ongoing conflict: 1SP), (Findley, Young, 2011: *i.v.* — межгосударственное соперничество: 2SP/1SN/1IP)
2. Контрольная (Brockhoff, Krieger, Meierrieks, 2015: *i.v.* — всеобщие забастовки: 18SP. внешний конфликт: 18SP), (Wilson, Piazza, 2013: *d.v.* — ноль терактов: 3IP. количество терактов: 3SP), (Bove, Böhmelt, 2016: *d.v.* — международный: 5IN, внутренний — 5SP), (Choi, Luo, 2013: *i.v.* — Столкновение между государствами: 4IN/1IP/1SP), (Goldman, Neubauer-Shani, 2016: *i.v.* — вооруженное столкновение: *d.v.* — количество атак: где иностранцы совершают атаку: 2SP/1IP. где жертвами стали иностранцы: 2IP. где иностранцы и атакующие, и жертвы: 2SP/1IP. количество атак private parties: 1IP/1SP), (Coggins, 2015: *i.v.* — внешний конфликт: 13SP/9IP/5IN/1SN), (Younas, Sandler, 2017: *i.v.* — гражданский конфликт: 9SP/1IP), (Fahey, LaFree, 2015: *i.v.* — Международная война: *d.v.* — количество атак — 5IP. количество жертв — 1IP), (Saiya, 2019: *i.v.* — межгосударственный спор с использованием вооруженных сил без полномасштабной войны: 3SP), (Danzell, 2011: 4IP), (Ghatak, Gold, Prins, 2019: 2SN/14IN), (Foster, Braithwaite, Sobek, 2013: *i.v.* — вовлечение в войну: 2IP/3IN), (Mascarenhas, Raechelle, Sandler, 2014: 1) *i.v.* — внеш-

ний конфликт: *d.v.* — внутренний терроризм: index: 4SP. Международный терроризм (GTD): 1SP/3IP. Международный терроризм (ITERATE): 4SP. 2) *i.v.* — внутренний конфликт (Internal war): *d.v.* — внутренний терроризм: index: 4SP. International terrorism GTD: 4SP. International terrorism ITERATE: 4SP), (George, 2018: *i.v.* — International war, *d.v.* — международный терроризм: атаки: 4IP/3IN, несвязанные атаки по исполнителю: 4IP/3SP. логистически сложные атаки: 2SP/5IP. логистически простые атаки: 7IP), (Asal, Hoffman, 2016: *i.v.* — противостояние государств: 1IN), (Braithwaite, 2015: *i.v.* — война между двумя странами (Dyad in conflict) — 10SP), (Murdie, Stapley, 2014: *d.v.* — террористические атаки на НПО: 1SP/6IP/1IN), (Smith, Zeigler, 2017: *d.v.* — все виды: 2SP. внутренний терроризм: 2SP. международный терроризм: 2SP. если количество смертей в конфликте больше тысячи: внутренний терроризм: 4SP. международный терроризм: 4SP), (Salman, 2015: *d.v.* — любой терроризм: 9IP. внутренний: 9IP. международный: 9IP), (Wilson, Piazza, 2013: *d.v.* — ноль терактов: 3SN, количество терактов: 3SP), (Khokhlov, Korotayev, 2022: *i.v.* — политическая нестабильность: 11SP)

з) Интервенция

1. Главная (Kis-Katos, Liebert, Schulze, 2011: *i.v.* — продолжительность иностранной интервенции: *d.v.* — внутренний терроризм: 4IP. международный терроризм: 4IP), (Choi, Piazza, 2017: *d.v.* — атаки террористов-смертников: 2IP/2IN, *i.v.* — количество военных, использованных для операции: 3IP/1IN, количество сухопутных войск, использованных для операции: 3IN/1SN, проправительственное вторжение: 3SP/1IP. количество военных, использованных для проправительственной операции: 4SP. количество сухопутных войск, использованных для проправительственной операции: 4SP. антиправительственное вторжение: 6IP/6IN)
2. Контрольная (Murdie, Stapley, 2014: *d.v.* — террористические атаки на НПО: 3SP/1IP), (Gaibullov, Piazza, Sandler, 2017: 4IN/3IP/1SP), (Smith, Zeigler, 2017: *d.v.* — все виды: 2SP. внутренний терроризм: 5SP/1IP. международный терроризм: 5IP/1SP)

и) Оккупация

1. Главная (Collard-Wexler, Pischedda, Smith, 2014: *d.v.* — количество атак террористов-смертников, оккупация по статье Rare: 2SP. Rare оккупация*Polity (политич. режим): 1SP. оккупация+противостояние: 1SP. Rare оккупация+нет противостояния (No Clash): 1IN, Оккупация (другая база): 4SP), (Braithwaite, 2015: как наличие иностранных войск на территории страны происхождения террориста: 10SP. войска демократических стран: 1SP. войска недемократических стран: 1SP)

2. Контрольная (Henne, 2012: *d.v.* — смерть от атак: 5SN), (Saiya, 2019: 3IN), (Choi, Piazza, 2016: *d.v.* — атаки террористов-смертников: 29SP/1SN/4IP/1IN), (Saiya, 2016: 2IP)

к) *Интенсивность конфликта*

1. Главная
2. Контрольная (Henne, 2012: *d.v.* — смерть от атак: 5SP), (Paul, Bagchi, 2018: 1) *i.v.* — высокая интенсивность: *d.v.* — международный терроризм: 3IP/1IP. внутренний терроризм: 4SP. 2) *i.v.* — низкая интенсивность: *d.v.* — международный терроризм: 2IN/2SN, внутренний терроризм: 2IP/2IN), (Bell et al., 2014: *i.v.* — интенсивность межгосударственного конфликта: 3IP. интенсивность гражданской войны: 3SP)

л) *Национальный потенциал (National capability)*

1. Главная (George, 2018: *d.v.* — международный терроризм: Attacks: 1IN, несвязанные атаки по исполнителю: 1IN, несвязанные атаки по месту: 1IP. логистически сложные атаки: 1IN, логистически простые атаки: 1IN)
2. Контрольная (Gaibullov, Piazza, Sandler, 2017: 5IN/3IP), (Goldman, Neubauer-Shani, 2016: *d.v.* — количество атак: где иностранцы совершают атаку: 2IN/1IP. где жертвами стали иностранцы: 2SN, где иностранцы и атакующие, и жертвы: 2IN/1IP. количество атак private parties: 2SN), (Foster, Braithwaite, Sobek, 2013: *i.v.* — Government capability: 5IN), (Choi, Piazza, 2017: *d.v.* — атаки террористов-смертников: 12SP/1IP/11IN), (Choi, Piazza, 2016: *d.v.* — атаки террористов-смертников: 22SP/8IP/2SN/2IN), (Bell et al., 2014: 3IN), (Boehmer, Daube, 2016: *i.v.* — *capability*: 2IN/1SN)

м) *Свобода прессы/печати*

1. Главная (Asal, Hoffman, 2016: 1SN/2IN)
2. Контрольная (Young, Dugan, 2011: 3IP/1IN), (Paul, Bagchi, 2018: *i.v.* — недостаток свободы прессы: *d.v.* — международный терроризм: 2IP/2IN, внутренний терроризм: 4IP), (Choi, Piazza, 2017: *d.v.* — атаки террористов-смертников: 24SP), (Choi, Piazza, 2016: *d.v.* — атаки террористов-смертников: 3IP), (Bagchi, Paul, 2018: 3SN/2IN)

н) *Гражданские права и свободы*

1. Главная
2. Контрольная (Younas, Sandler, 2017: 8SU/2IU, перевернутая U-образная зависимость), (Paul, Bagchi, 2018: 1) *i.v.* — гражданские свободы: международный

терроризм: 4IP. внутренний терроризм: 4IP. 2) *i.v.* — Voice and Accountability: *d.v.* — международный терроризм: 4IP. внутренний терроризм: 4IP), (Choi, Piazza, 2016: *i.v.* — нарушение прав человека, *d.v.* — атаки террористов-смертников: 6SP), (Richardson, 2011: *i.v.* — гражданские свободы: 6IP. политические свободы: 4IN), (Khokhlov, Korotayev, 2022: *i.v.* — политические права: 11SP)

о) *Демократическое или политическое участие*

1. Главная
2. Контрольная (Kis-Katos, Liebert, Schulze, 2011: *d.v.* — внутренний терроризм: 1SP. международный терроризм: 1SP), (Young, Dugan, 2011: 1SP/3IP), (Piazza, 2011: *d.v.* — внутренний терроризм: для count-модели: 5SN/5IN; для inflated-модели: 3IP/7IN), (Avdan, Uzonyi, 2017: *d.v.* — внутренний терроризм: 4SN/2SP), (Paul, Bagchi, 2018: *i.v.* — недостаток политических прав: *d.v.* — международный терроризм: 3IP/1IN, внутренний терроризм: 4IP)

п) *Ограничения исполнительной власти (Executive Constraints)*

1. Главная
2. Контрольная (Piazza, 2011: *d.v.* — внутренний терроризм: для count-модели: 10SN; для inflated-модели: 4SN/6IN), (Harris, Milton, 2016: *d.v.* — внутренний терроризм: 1SP. международный терроризм: 1SP), (Avdan, Uzonyi, 2017: *i.v.* — government constraint, *d.v.* — внутренний терроризм: 1IN/5IP), (Braithwaite, 2015: 10SP/1IP), (Bell et al., 2014: 2IP/1SP)

р) *Верховенство права (Rule of law)*

1. Главная (Coggins, 2015: 2IP/2IN)
2. Контрольная (George, 2018: *d.v.* — международный терроризм: Атаки: 1SN, несвязанные атаки по исполнителю: 1IN, несвязанные атаки по месту: 1IP. логистически сложные атаки: 1SN, логистически простые атаки: 1IP), (Paul, Bagchi, 2018: *d.v.* — международный терроризм: 2SN/1IP/1IN, внутренний терроризм — 2IN/2SN)

с) *Коррупция*

1. Главная (Coggins, 2015: 2IP/2IN)
2. Контрольная (George, 2018: *d.v.* — международный терроризм: Attacks: 1SN, несвязанные атаки по исполнителю: 1IN, несвязанные атаки по месту: 1IP. логистически сложные атаки: 1IN, логистически простые атаки: 1IP), (Paul, Bagchi, 2018: *i.v.* — Control of Corruption, *d.v.* — международный терроризм: 3IP/1SP. внутренний терроризм: 3IP/1SP)

т) Эффективность правительства

1. Главная (George, 2018: *d.v.* — международный терроризм: атаки: 1SN, несвязанные атаки по исполнителю: 1IN, несвязанные атаки по месту: 1IP. логистически сложные атаки: 1SN, логистически простые атаки: 1IP), (Fahey, LaFree, 2015: *d.v.* — количество атак — 1IP. количество жертв — 1SP. как прокси этой метрики: регрессор — отношение налогов к ВВП: количество атак — 1IN, количество жертв — 1IN), (Okafor, Piesse, 2018: *i.v.* — качество государственного управления: 5IN/1IP)
2. Контрольная (Paul, Vagchi, 2018: *i.v.* — качество государственного регулирования: *d.v.* — международный терроризм — 2IP/2IN, внутренний терроризм — 4IP. *i.v.* — эффективность правительства: *d.v.* — международный терроризм — 4IP. внутренний терроризм — 2IP/2IN)

Приложение 2. Группа переменных «Экономические факторы»

а) ВВП на душу населения

1. Главная (Freitag, Kruger et al., 2011: 4SU, перевернутая U-образная зависимость/1SP), (Coggins, 2015: 4IP), (Boehmer, Daube, 2016: *i.v.* — экономическое развитие: 2SU, перевернутая U-образная зависимость/1SP), (Enders, Hoover, Sandler, 2016: 8SU/2IU, перевернутая U-образная зависимость/7SN /3IP /3IN/1SP¹⁸)
2. Контрольная (Kis-Katos, Liebert, Schulze, 2011: *d.v.* — внутренний терроризм: 6SP. международный терроризм: 6SP), (Findley, Young, 2011: 1SP), (Gaibulloev, Piazza, Sandler, 2017: 5SP/3IP), (Aksoy, Carter, Wright, 2012: 10SP/2IP), (Goldman, Neubauer-Shani, 2016: *d.v.* — количество атак: где иностранцы совершают атаку: 2IP/1SN, где жертвами стали иностранцы: 1IN/1IP. где иностранцы и атакующие, и жертвы: 2IP/1SN, количество атак private parties: 1SN/1IP), (Ezcurra, Roberto, Palacios, 2016: 5IU/3SU, перевернутая U-образная зависимость), (Collard-Wexler, Pischedda, Smith, 2014: *d.v.* — количество атак террористов-смертников: 6SP/2IP), (Younas, Sandler, 2017: 10IU, перевернутая U-образная зависимость), (Fahey, LaFree, 2015: *d.v.* — количество атак: 4SP/1IN, количество жертв: 1IP), (Saiya, 2019: log-модель: 3SP), (Harris, Milton, 2016: *d.v.* — внутренний терроризм: 1SP. международный терроризм: 1IN), (Ghatak, Gold, Prins, 2019: 12SP/2IP/2IN), (Foster, Braithwaite, Sobek, 2013: 4IP/1IN), (Mascarenhas, Raechelle, Sandler, 2014: *d.v.* — внутренний терроризм: 4SP. международный терроризм GTD: 4SP. международный терроризм ITERATE: 4SP), (George, 2018: *d.v.* — международный (transnational)

18. Разные результаты получены потому, что авторы тестируют разные зависимые переменные. В данном случае рекомендуется обращаться к первоисточнику для интерпретации полученных результатов (Enders, Hoover, Sandler, 2016).

терроризм: все атаки: 1IN, несвязанные атаки по исполнителю: 1SP. несвязанные атаки по месту: 1SP. логистически сложные атаки: 1IN, логистически простые атаки: 1SP), (Gleditsch, Polo, 2016: 10SP/2SN/1IP), (Braithwaite, 2015: отношение ВВП страны-террориста к ВВП страны-оккупанта: 11SP), (Avdan, Uzonyi, 2017: *d.v.* — внутренний терроризм, log-модель: 1SP), (Murdie, Stapley, 2014: *d.v.* — террористические атаки на НПО, log-модель: 8SN), (Paul, Bagchi, 2018: международный терроризм — 3IP/1IN, внутренний терроризм — 3IN/1IP), (Böhmelt, Bove, 2019: log-модель: 4SN/3IN), (Smith, Zeigler, 2017: log-модель, все атаки: 2IP. внутренний терроризм: 6IP. международный терроризм: 5IP/1SP), (Salman, 2015: все атаки: 5IP/4IN, внутренний терроризм: 6IN/3IP. международный терроризм: 7IN/2IP), (Caruso, Schneider, 2011: *d.v.* — количество атак: 3SN/1IN, *d.v.* — количество жертв: 2SP/2IP), (Abrahms, Potter, 2015: *d.v.* — нападение на мирных жителей: 3IP/1SP), (Saiya, 2016: log-модель: 4SP), (Meierrieks, Gries, 2012: 7SN), (Aksoy, 2014: 3IP), (Richardson, 2013: 4IP/2SP), (Khokhlov, Korotayev, 2022: 4SP/6IP), (Korotayev, Vaskin, Romanov, 2021: 7SP/4IP /2SN/2IN), (Korotayev, Vaskin, Tsirel, 2021: 4SN/2SP)

б) ВНД на душу населения

1. Главная
2. Контрольная (Bove, Böhmelt, 2016: log-модель: 5IN), (Piazza, 2011: *d.v.* — внутренний терроризм; для count-модели: 5SP. для inflated-модели: 5IP), (Wilson, Piazza, 2013: *d.v.* — ноль терактов: 3SN, количество терактов: 3SP), (Piazza, 2013: All: 4SP. внутренний терроризм: 4SP. международный терроризм: 4SP), (Braithwaite, Chu, 2018: 3SP/1IP), (Bell et al., 2014: log-модель: 1SP/1IP/1IN)

в) Уровень экономического развития

1. Главная
2. Контрольная (Choi, Luo, 2013: *d.v.* — международный терроризм: 3SP/2IP/1IN), (Young, Dugan, 2011: 4IN), (Choi, Salehyan, 2013: *d.v.* — все атаки: 4SP/1IN, внутренний терроризм: теракты — 1SP. факт происшествия — 1SP. жертвы — 1IP. международный терроризм: теракты — 1SP. факт происшествия — 1SP. жертвы — 1SP), (Mullins, Young, 2012: для count-модели — 4SP/2IP. для inflated-модели — 4SN/2IN)

г) Рост ВВП на душу населения/изменение ВВП на душу населения

1. Главная (Derin-Güre, Pinar, 2011: *d.v.* — сепаратистский терроризм, по кварталам: 4IP/2IN; по месяцам: 12IN/10IP/2SP), (Meierrieks, Gries, 2012: 1SN,

i.v. — рост для стран с доходом ниже среднего: 5SN/3IN, рост для стран с доходом выше среднего: 5IN/2IP/1SN), (Boehmer, Daube, 2016: 2SN/1IN)

2. Контрольная (Kis-Katos, Liebert, Schulze, 2011: *d.v.* — внутренний терроризм: 1SP. международный терроризм: 1IP), (Fahey, LaFree, 2015: *d.v.* — количество атак — 4IN/1SN, количество жертв — 1IN), (Krieger, Meierrieks, 2019: как экономический рост 2IP), (Caruso, Schneider, 2011: *d.v.* — количество атак: 4IN/1SN, *d.v.* — количество жертв: 5SP/1IP)

д) Открытость экономики (торговли или финансовых рынков)

1. Главная (Kis-Katos, Liebert, Schulze, 2011: *d.v.* — внутренний терроризм: 10IP. международный терроризм: 9IP/1SP), (Freytag, Kruger et al., 2011: *i.v.* — торговля к ВВП 5SN), (Mascarenhas, Raechelle, Sandler, 2014: *i.v.* — доля торговли в ВВП, *d.v.* — внутренний терроризм: 2SN/1IN, международный терроризм GTD: 2IN/1SN, международный терроризм ITERATE: 3IN)
2. Контрольная (Brockhoff, Krieger, Meierrieks, 2015: 18IN); (Ezcurra, Roberto, Palacios, 2016: 4IP/2SP/2IN), (Younas, Sandler, 2017: 8SN/2IP), (Caruso, Schneider, 2011: *d.v.* — количество атак: 5SN/5IN, количество жертв: 3SP/2IP), (Meierrieks, Gries, 2012: 6SN)

е) Глобализация

1. Главная
2. Контрольная (Gaibulloev, Piazza, Sandler, 2017: *i.v.* — Экономическая глобализация: 6IN/2SN, Политическая глобализация: 4IP/2IN/2SN), (Mascarenhas, Raechelle, Sandler, 2014: *d.v.* — внутренний терроризм: 1SN, международный терроризм GTD: 1SN, международный терроризм ITERATE: 1SN), (Böhmelt, Bove, 2019: *i.v.* — экономическая глобализация, *d.v.* — log-модель: 6SP/1IP)

ж) Подушевой объем внешней помощи (Foreign aid per capita)

1. Главная (Mascarenhas, Raechelle, Sandler, 2014, *i.v.* — as share of Aid in GDP. *d.v.* — Domestic terrorism: 2SP/1IP. International terrorism GTD: 3SP. International terrorism ITERATE: 3IP), (Richardson, 2011: 4IP/2SP.
2. Контрольная

з) Инвестиции

1. Главная (Freytag, Kruger et al., 2011: 5SN), (Mascarenhas, Raechelle, Sandler, 2014: *d.v.* — внутренний терроризм: 3SN, международный терроризм GTD: 3SN, международный терроризм ITERATE: 3SN), (Okafor, Piesse, 2018: *i.v.* — как прямые иностранные инвестиции (FDI): 4IN/2SN)

2. Контрольная (Younas, Sandler, 2017: 7SN/3IN), (Caruso, Schneider, 2011: *d.v.* — количество атак: 3SP/2IP. количество жертв: 5SN/1IN)

и) Неравенство

1. Главная (Krieger, Meierrieks, 2019: *i.v.* — неравенство по доходам: 5SP. индекс Тейла: 1SP), (Derin-Güre, Pinar, 2011: *i.v.* — индекс Тейла, *d.v.* — сепаратистский терроризм *по* 5SP/2IN/1SN, для левого терроризма: 3IP/1SP)
2. Контрольная (Ezcurra, Roberto, Palacios, 2016: 6IP/2IN), (Braithwaite, Chu, 2018: 4SP), (Avdan, Uzonyi, 2017: *i.v.* — экономическое неравенство: *d.v.* — внутренний терроризм: 10SP), (Wilson, Piazza, 2013: *i.v.* — коэффициент GINI, *d.v.* — ноль терактов: 3SN, количество терактов: 3SP), (Bove, Böhmelt, 2016: *i.v.* — коэффициент GINI: 5IP), (Piazza, 2011: *i.v.* — коэффициент GINI: *d.v.* — внутренний терроризм; для count-модели: 10SP. для inflated-модели: 9IP/1SP), (Goldman, Neubauer-Shani, 2016: *i.v.* — коэффициент GINI, *d.v.* — количество атак: где иностранцы совершают атаку: 1IN, где жертвами стали иностранцы: 1IN, где иностранцы и атакующие, и жертвы: 1IN, количество атак private parties: 1IN), (Piazza, 2013: *i.v.* — коэффициент GINI, *d.v.* — все атаки: 4SP. внутренний терроризм: 4SP. международный терроризм: 4IP), (Richardson, 2013: *i.v.* — коэффициент GINI: 2IP), (Korotayev, Vaskin, Tsirel, 2021: *i.v.* — коэффициент GINI: 1SP)

к) Безработица

1. Главная (Lee, 2011: 3SN/1IN), (Richardson, 2011: *i.v.* — безработица: 6SP. безработица*образование: 4IN/1SN)
2. Контрольная (Benmelech et al., 2015: 6IN), (Akyuz, Armstrong, 2011: 8IP), (Caruso, Schneider, 2011: *d.v.* — количество атак: 3IN/1IP. количество жертв: 5SN/1IN), (Khokhlov, Korotayev, 2022: 7SP/4IP), (Korotayev, Vaskin, Romanov, 2021: 12SP/3IP), (Korotayev, Vaskin, Tsirel, 2021: 2SP)

л) Безработица среди молодежи

1. Главная (Okafor, Piessse, 2018: 6SP)
2. Контрольная (Paul, Bagchi, 2018: *d.v.* — международный терроризм: 3IP/1IN, внутренний терроризм — 4IN), (Caruso, Schneider, 2011: *d.v.* — количество атак: 3IP/2SP/1IN, количество жертв: 3IN/1IP)

м) Индекс человеческого развития (ИЧР/HDI)

1. Главная (Coggins, 2015: 2SP/2SN)
2. Контрольная (Henne, 2012: *d.v.* — смерть от атак, 3SP/2IP), (Piazza, 2011: *d.v.* — внутренний терроризм, для count-модели: 5SP. для inflated-модели:

3IN/2IP), (Avdan, Uzonyi, 2017: *d.v.* — внутренний терроризм: 10SP/1IP), (Paul, Bagchi, 2018: *d.v.* — международный терроризм: 3IP/1IN, внутренний терроризм: 2IP/2IN), (Choi, Piazza, 2017: *d.v.* — атаки террористов-смертников, 24SP), (Choi, Piazza, 2016: *d.v.* — атаки террористов-смертников: 2SP/1IP)

н) Уровень инфляции

1. Главная
2. Контрольная (Caruso R., Schneider F., 2011; *d.v.* — количество атак: 6SN/4IN, количество жертв: 9SN/1IN), (Khokhlov, Korotayev, 2022: 8IP/2IN)

Приложение 3. Группа переменных «Социальные причины»

а) Численность населения

1. Главная
2. Контрольная (Kis-Katos, Liebert, Schulze, 2011: *d.v.*¹⁹ — внутренний терроризм: 7SP. международный терроризм: 7SP), (Young, Dugan, 2011: 3SP/1IP), (Brockhoff, Krieger, Meierrieks, 2015: 18SP), (Wilson, Piazza, 2013: *d.v.* — ноль терактов: 3IN, количество терактов: 3SP), (Findley, Young, 2011: SP), (Gai-bullov, Piazza, Sandler, 2017: 4SP/3IP/1IN), (Bove, Böhmelt, 2016: 3IP/2SP), (Aksoy, Carter, Wright, 2012: 12SP), (Findley, Young, 2012: для count-модели: 1IP. для inflate-модели: 1SN), (Choi, Luo, 2013: 6SP), (Piazza, 2011: *d.v.* — внутренний терроризм, для count-модели: 10SP. для inflated-модели: 5SN/5IN), (Choi, Salehyan, 2013: *d.v.* — все: 5SP. внутренний: теракты — 1SP. факт происшествия — 1SP. жертвы — 1SP. международный: теракты — 1SP. факт происшествия — 1SP. жертвы — 1SP), (Freytag, Kruger et al., 2011: 5SP), (Coggins, 2015: log-модель, 27SP/1IP), (Goldman, Neubauer-Shani, 2016: *d.v.* — количество атак, где иностранцы совершают атаку: 2IP/1IN, *d.v.* — количество атак, где жертвами стали иностранцы: 2SP. *d.v.* — количество атак, где иностранцы и атакующие, и жертвы: 2IP/1IN, *d.v.* — количество атак private parties: 2IP), (Mullins, Young, 2012: для count-модели — 6SP. для inflated-модели — 3IP/2IN/1SP), (Ezcurra, Palacios, 2016: 8SP), (Piazza, 2013: *i.v.* — все: 4SP. внутренний: 4SP. международный: 4SP), (Collard-Wexler, Pischedda, Smith, 2014: *d.v.* — количество атак террористов-смертников, 5SP/3IP), (Fahy, LaFree, 2015: *d.v.* — количество атак — 2IP/2IN/1SP. *d.v.* — количество жертв — 1SP), (Krieger, Meierrieks, 2019: 11SP), (Saiya, 2019: log-модель: 3SP),

19. Мы используем обозначение *d.v.* (*dependent variable* = зависимая переменная) в случае, если авторы используют свою собственную особенную переменную. И *i.v.* (*independent variable* = независимая переменная) в случае, если необходимо уточнить, какую независимую переменную используют авторы.

(Braithwaite, Chu, 2018: 4SP), (Ghatak, Gold, Prins, 2019: 16SP), (Foster, Braithwaite, Sobek, 2013: 5SP), (Mascarenhas, Raechelle, Sandler, 2014: *d.v.* — внутренний терроризм: 4SP. международный терроризм (*GTD*): 4SP. международный терроризм *ITERATE*: 4SP), (George, 2018: *d.v.* — международный терроризм: атаки: 7SP. несвязанные атаки по исполнителю: 4SP/3IP. несвязанные атаки по месту: 6SP/1IP. логистически сложные атаки: 7SP. логистически простые атаки: 7SP), (Gleditsch, Polo, 2016: 6SP/3SN/5IN/2IP), (Avdan, Uzonyi, 2017: *d.v.* — внутренний терроризм, 13SP), (Braithwaite, 2015: *d.v.* — отношение населения страны-террориста к населению страны-оккупанта: 10SN/1IN), (Murdie, Stapley, 2014: *d.v.* — террористические атаки на НПО, log-модель, 6IN/2SN), (Böhmelt, Bove, 2019: log-модель, 7SP), (Smith, Zeigler, 2017: log-модель, *d.v.* — все виды: 2SP. внутренний терроризм: 6SP. международный терроризм: 6SP), (Salman, 2015: *d.v.* — все виды: 2SP/7IP. внутренний терроризм: 2SP/7IP. международный терроризм: 9IP), (Choi, Piazza, 2017: *d.v.* — атаки террористов-смертников; log-модель, 24SP), (Choi, Piazza, 2016: *d.v.* — атаки террористов-смертников, 2SP/1IP), (Bell et al., 2014: log-модель, 3SP), (Saiya, 2016: log-модель, 4SP), (Meierrieks, Gries, 2012: 7SP), (Aksoy, 2014: 3IP), (Piazza, 2012: *i.v.* — население провинции, log-модель, 10SP), (Boehmer, Daube, 2016: 3SP), (Enders, Hoover, Sandler, 2016: 14SP/5IP/3IN/2SN), (Richardson, 2013: 6SP), (Khokhlov, Korotayev, 2022: 11SP), (Korotayev, Vaskin, Romanov, 2021: 15SP), (Korotayev, Vaskin, Tsirel, 2021: 5SP/1SN)

б) Презрение социальной группы в обществе, экономическая/политическая/социальная дискриминация меньшинств

1. Главная (Piazza, 2011: *d.v.* — внутренний терроризм: *i.v.* — экономическая дискриминация меньшинств: для count-модели: 4SP. для inflated-модели: 2SN/2IP. нет эк. дискриминации при существовании MAR (“minorities at risk”): для count-модели: 1SN/1IP. для inflated-модели: 2SN, нет MAR: count-модели: 4SN, inflated-модели: 2SP/2IP. существование политики устранения дискриминации: для count-модели: 2IP/1SN/1IN, для inflated-модели: 3IP/1SP), (Ghatak, Gold, Prins, 2019: *i.v.* — любая: 8SP. экономическая дискриминация меньшинств: 8SP. демократия*экономическая дискриминация меньшинств: 4SP), (Gleditsch, Polo, 2016: *i.v.* — наличие дискриминируемых: 6SP/1IP. снижение дискриминации: 2SN), (Choi, Piazza, 2016: *i.v.* — исключение этнической группы из политики, *d.v.* — атаки террористов-смертников: 5SP/1IP), (Saiya, 2019: *i.v.* — ограничения для религиозных меньшинств: 1SP/1IP)
2. Контрольная (Gaibullov, Piazza, Sandler, 2017: 4SP/3IP/1IN), (Krieger, Meierrieks, 2019: *i.v.* — исключенное из политики меньшинство: 11SP), (Harris, Milton, 2016: *d.v.* — внутренний терроризм: 1IP. международный терроризм: 1IN), (Avdan, Uzonyi, 2017: *d.v.* — внутренний терроризм: 1SP), (Choi, Piazza,

2017: *d.v.* — атаки террористов-смертников, *i.v.* — MAR: 18SP/6IP), (Choi, Piazza, 2016: *d.v.* — атаки террористов-смертников: 3IP), (Ghatak, Gold, Prins, 2019: *i.v.* — исключение социальной группы из политики: 6SP/2SN), (Brockhoff, Krieger, Meierrieks, 2015: *i.v.* — религиозные противоречия: 15SP/3IP)

в) Число меньшинств

1. Главная
2. Контрольная (Findley, Young, 2012: *i.v.* — меньшинства: для count-модели: 1IP. для inflate-модели: 1SP. частично свободные государства*меньшинства: для count-модели: 1IN, для inflate-модели: 1IN; несвободные государства*меньшинства: для count-модели: 1IN, для inflate-модели: 1IP), (Henne, 2012: *d.v.* — смерть от атак: 3IP/2IN, *i.v.* — число религиозных меньшинств, которые составляют больше 5% от населения), (Saiya, 2019: *i.v.* — число религиозных меньшинств: 3IP), (Saiya, 2016: 2IN)

г) Фракционализация — этническая, языковая, религиозная и др.

1. Главная (Collard-Wexler, Pischedda, Smith, 2014: *i.v.* — религиозная фракционализация, *d.v.* — количество атак террористов-смертников, оккупация+религиозное противостояние: 1SP. оккупация без рел. противостояния: 1IP. сепаратистская группа+рел. прот. — 1IP. сепаратистская группа без рел. прот. — 1IP.
2. Контрольная (Henne, 2012: *i.v.* — этническая, *d.v.* — смерть от атак: 5IP), (Younas, Sandler, 2017: 4IN/4IP), (Younas, Sandler, 2017: *i.v.* — языковая: 8IP), (Younas, Sandler, 2017: *i.v.* — религиозная: 7SN/1IN), (Foster, Braithwaite, Sobek, 2013: *i.v.* — этнолингвистическая: 1SP/1IN, раскол в правящей партии: 1SP), (Mascarenhas, Raechelle, Sandler, 2014: *i.v.* — языковая: *d.v.* — внутренний терроризм: 1IP. международный терроризм (GTD): 1IP. международный терроризм (ITERATE): 1IN), (Paul, Bagchi, 2018: *i.v.* — этническая: *d.v.* — международный терроризм: 1SP/1IP. внутренний терроризм: 2SP. *i.v.* — религиозная: *d.v.* — международный терроризм: 2IP. внутренний терроризм: 2IN, *i.v.* — языковая: международный терроризм: 2IN, внутренний терроризм: 2SN), (Choi, Piazza, 2017: *i.v.* — религиозная: *d.v.* — атаки террористов-смертников: 13IP/11SP), (Choi, Piazza, 2016: *d.v.* — атаки террористов-смертников: 3IP), (Bagchi, Paul, 2018: *i.v.* — религиозная: 4SP/2IN/2IP. этническая: 7IP/1IN, языковая: 5SP/3IP), (Khokhlov, Korotayev, 2022: *i.v.* — этническая фракционализация: 7SP/4IP)

д) Урбанизация

1. Главная (Lafree, Bersani, 2014: 3SP), (Lee, 2011: *i.v.* — городской житель: 1IN, мигрант из сельской местности: 1IP)

2. Контрольная (Kis-Katos, Liebert, Schulze, 2011: *d.v.* — внутренний терроризм: 1IP. международный терроризм: 1SP), (Fahey, LaFree, 2015: *d.v.* — количество атак: 4SP/1IP. количество жертв: 1IP), (Bagchi, Paul, 2018: *i.v.* — уровень урбанизации: 3SN/5IN), (Khokhlov, Korotayev, 2022: *d.v.* — attacks: 3SN/1IN, attacks IRR: 2SP/2IP. casualties IRR: 3IP), (Korotayev, Vaskin, Romanov, 2021: 7SP/3SN/3IP/2IN), (Korotayev, Vaskin, Tsirel, 2021: 1SN/1IP)

е) Образование

1. Главная (Brockhoff, Krieger, Meierrieks, 2015: *i.v.* — начальное образование: 4SP/2IP. среднее: 4IP/2IN, начальное+среднее: 2SP/1IN, зачисление в университет: 4IN/2SN, грамотность: 1SP/2IP), (Lee, 2011: *i.v.* — продолжительность обучения: 2SN/1IN, качество образования: 2IP/1IN, несдача экзамена: 1IP/1IN, покидание школы: 2IP. государственные (national) школы: 1IP), (La-free et al., 2018: *d.v.* — бинарная переменная, где «1» — насильственный экстремизм, а «0» — ненасильственный: 4IN), (Richardson, 2013: *i.v.* — высшее образование: 5IP/1SP), (Korotayev, Vaskin, Tsirel, 2021: *i.v.* — количество лет учебы: 3SN/2SP)
2. Контрольная (Younas, Sandler, 2017: *i.v.* — средняя школа: 3IP/5IN), (Abrahms, Potter, 2015: *d.v.* — нападение на мирных жителей: *i.v.* — начальное и среднее образование: 3SN/1IN), (Benmelech et al., 2015: *i.v.* — количество лет обучения: 2IP/4IN), (Akyuz, Armstrong, 2011: 4SN/4IN), (Korotayev, Vaskin, Romanov, 2021: 13SN/2IN)

ж) Младенческая смертность

1. Главная (Coggins, 2015: 2IP/2IN)
2. Контрольная (Piazza, 2012: 8IP), (Akyuz, Armstrong, 2011: 1SP/3IN/4IP)

з) Приток мигрантов

1. Главная (Bove, Böhmelt, 2016; 3SN/1NP/1SP²⁰), (Böhmelt, Bove, 2019; *i.v.* — матрица весов: 6SP/1IP. приток*миграционные ограничения: 5SN)
2. Контрольная

и) Количество репрессий

1. Главная (Boylan, 2016: *i.v.* — repression of group civilians: 2SP)
2. Контрольная (Danzell, 2011: 4IP)

20. Приток мигрантов влияет отрицательно в общем случае, но положительно, когда мигранты являются выходцами из страны с высоким уровнем терроризма.

к) *Прошлые террористические атаки*

1. Главная (Kis-Katos, Liebert, Schulze, 2011: 1) *i.v.* — среднее общее количество событий: *d.v.* — внутренний терроризм: 7SP. международный терроризм: 7SP. 2) *i.v.* — среднее количество внутренних терактов: *d.v.* — внутренний терроризм: 1SP. международный терроризм: 1SP. 3) *i.v.* — среднее количество международных терактов: *d.v.* — внутренний терроризм: 1SP. международный терроризм: 1SP), (Findley, Young, 2011: origin: 2SP/1IN/1SN, target: 2SP/1SN/1IN), (Derin-Güre, Pinar, 2011: *d.v.* — сепаратистский терроризм, по кварталам: 4SP/2IP. по месяцам: 6SP/2SN/6IP/10IN), (Derin-Güre, Pinar, 2011: *d.v.* — сепаратистский терроризм, для правого терроризма: 5IN/3IP. для левого терроризма: 1IP/1SP/2IN)
2. Контрольная (Young, Dugan, 2011: 3SP/1IP), (Choi, Luo, 2013: *d.v.* — международный терроризм: 6SP), (Choi, Salehyan, 2013: 1) *d.v.* — любой терроризм: 4SP. 2) внутренний: теракты: 1SP. состоялся теракт или нет: 1SP. жертвы: 1SP. 3) международный: теракты: 1SP. состоялся теракт или нет: 1SP. жертвы: 1SP), (Freitag, Kruger et al., 2011: 5SP), (Goldman, Neubauer-Shani, 2016: *d.v.* — количество атак: *i.v.* — где иностранцы совершают атаку: 3SP. где жертвами стали иностранцы: 2SP. где иностранцы и атакующие, и жертвы: 2IP/1SP. количество атак private parties: 2SP); (Younas, Sandler, 2017: 9SP/1IP), (Fahey, LaFree, 2015: *i.v.* — Terrorism lag: *d.v.* — количество атак: 5IP. количество жертв: 1SP), (Saiya, 2019: 3SP), (Braithwaite, Chu, 2018: *i.v.* — лет с предыдущего теракта: 4SN), (Avdan, Uzonyi, 2017: *d.v.* — внутренний терроризм: 13SP), (Murdie, Stapley, 2014: *d.v.* — террористические атаки на НПО: атаки на не НПО: 8SP), (Böhmelt, Bove, 2019: 7SP), (Salman, 2015: *d.v.* — любой терроризм: 9SP. внутренний: 9SP. международный: 9SP), (Choi, Piazza, 2017: *d.v.* — атаки террористов-смертников: 17SP/2SN), (Piazza, 2012: 2IP/2SP), (Bagchi, Paul, 2018: *d.v.* — внутривосточной терроризм: 1SP. международный терроризм: 1IP)

л) *Плотность населения*

1. Главная
2. Контрольная (Younas, Sandler, 2017: log-модель: 6IP/2SP/2IN), (Fahey, LaFree, 2015: *d.v.* — количество атак: 2SP/1SN/2IP. количество жертв: 1SN), (Krieger, Meierrieks, 2019: 2SP), (Abrahms, Potter, 2015: *d.v.* — нападение на мирных жителей: 2IN/1IP/1SP)

м) *Права на физическую неприкосновенность*

1. Главная (Harris, Milton, 2016: *d.v.* — внутренний терроризм: 1SN, международный терроризм: 1SN)

2. Контрольная (Fahey, LaFree, 2015: *d.v.* — количество атак: 5SN, количество жертв: 1SN), (Mascarenhas, Raechelle, Sandler, 2014: *i.v.* — physical integrity rights, *d.v.* — внутренний терроризм: 4SN, международный терроризм (GTD): 4SN, международный терроризм (ITERATE): 4SN), (Murdie, Stapley, 2014: *d.v.* — террористические атаки на НПО: 8IP)

н) Интернет

1. Главная (Khokhlov, Korotayev, 2022: *d.v.* — attacks: 2SN (full sample), 1IN (democracies), 1IP (autocracies); attacks IRR: 2SP (full sample), 1IP (democracies), 1IP (autocracies); casualties IRR: 1IP (full sample), 1IP (democracies), 1SP (autocracies))
2. Контрольная

о) Расходы на армию

1. Главная
2. Контрольная (Brockhoff, Krieger, Meierrieks, 2015: 12IP/5IN/1SN), (Meierrieks, Gries, 2012: 1SP)

п) Ислам

1. Главная
2. Контрольная (Findley, Young, 2012: *i.v.* — бинарная переменная: является ли террорист мусульманином. Для *count-модели*: 1IN, для *inflate-модели*: 1IN), (Collard-Wexler, Pischedda, Smith, 2014: *d.v.* — количество атак террористов-смертников, 8SP), (Younas, Sandler, 2017: *i.v.* — доля мусульманского населения: 8IN), (Smith, Zeigler, 2017: *d.v.* — все виды терроризма: 2SP, внутренний терроризм: 3IP/3SP, международный терроризм: 3IP/3SP), (Choi, Piazza, 2017: *d.v.* — атаки террористов-смертников, *i.v.* — доля мусульманского населения: 24SP), (Choi, Piazza, 2016: *i.v.* — доля мусульманского населения, *d.v.* — атаки террористов-смертников: 3SP)

Приложение 4. Группа переменных «Характеристики террористических организаций»

Spatial lag

1. Главная (Bove, Böhmelt, 2016: 3SP/1SP), (Braithwaite, Chu, 2018: *i.v.* — победа повстанцев — 2IP/1SP, поражение повстанцев — 2SN/1IN)
2. Контрольная

Религиозная идеология

1. Главная (Henne, 2012: *d.v.* — смерть от атак: 3SP), (Abrahms, Potter, 2015: *i.v.* — религиозная организация: 3IP/2SP)
2. Контрольная

Группировка этнорелигиозной группы

1. Главная (Henne, 2012: *d.v.* — смерть от атак: 1IP/1IN), (Abrahms, Potter, 2015: *i.v.* — этнонационализм в организации: 2SN/2IP/1SP)
2. Контрольная

Левая идеология террористической группы

1. Главная
2. Контрольная (Asal, Hoffman, 2016: *d.v.* — вероятность террористической группировки совершить международный теракт, *i.v.* — левая или этнонационалистическая идеология: 1SN), (Lafree et al., 2018: 4SN)

Исламистская группировка

1. Главная
2. Контрольная (Henne, 2012: *d.v.* — смерть от атак, 3SN/2IN), (Lafree et al., 2018: 4SP)

Террористическая группировка контролирует какую-то территорию/размер подконтрольной территории

1. Главная (Abrahms, Potter, 2015: 3IP/1SP/1IN)
2. Контрольная (Asal, Hoffman, 2016: 1IP)

Возраст преступников

1. Главная (Lafree et al., 2018: 4IU, перевернутая U-образная зависимость)
2. Контрольная (Lee, 2011: *i.v.* — возраст в 1915 г.: 1SN/1IN)

Приложение 5. Группа переменных «Прочие переменные и переменные взаимодействия»*Территория/площадь*

1. Главная

2. Контрольная (Wilson, Piazza, 2013: *d.v.* — ноль терактов: 3SN, количество терактов: 3SN), (Bove, Böhmelt, 2016: 5IP), (Piazza, 2011: *d.v.* — внутренний терроризм, для count-модели: 9SN; для inflated-модели: 7IN/3SN), (Goldman, Neubauer-Shani, 2016: *d.v.* — количество атак: где иностранцы совершают атаку: 2SP/1IP. где жертвами стали иностранцы: 2IP. где иностранцы и атакующие, и жертвы: 3IP. количество атак private parties: 1SP/1IP), (Piazza, 2013: *d.v.* — все атаки: 4IN, внутренний терроризм: 4IN, международный терроризм: 4IN), (Fahey, LaFree, 2015: *d.v.* — количество атак: 2IP/1SP/1SN/1IN, количество жертв: 1SN), (Saiya, 2019: log-модель: 3SN), (George, 2018: *d.v.* — международный терроризм: все атаки: 6SN/1IN, несвязанные атаки по исполнителю: 7IN, несвязанные атаки по месту: 6SN/1IN, логистически сложные атаки: 6IN/1IP. логистически простые атаки: 6SN/1IN), (Avdan, Uzonyi, 2017: *d.v.* — внутренний терроризм: 8SP/4IP/1IN), (Choi, Piazza, 2017: *d.v.* — атаки террористов-смертников, log-модель: 24SN), (Bell et al., 2014: 3IN), (Piazza, 2012: *i.v.* — площадь провинции, log-модель: 5IP/3SP/2IN), (Bagchi, Paul, 2018: log-модель: 3SP/3SN/2IN), (Saiya, 2016: log-модель: 4IN)

Принадлежность к тому или иному региону (или странам)

1. Главная
2. Контрольная (Gaibulloev, Piazza, Sandler, 2017: *i.v.* — Азия: 3SN/1IN, Америка: 2IN/1SN/1IP. Ближний Восток (MENA): 3IP/1SP. Африка: 3SN/1IN), (Choi, Salehyan, 2013: *i.v.* — Америка: 1IP. Европа: 1IN, Африка: 1SN, Азия: 1SN, Океания: 1SN), (Braithwaite, Chu, 2018: *i.v.* — Африка: 1SN, Азия: 1SN, Ближний Восток: 1IN), (Mascarenhas, Raechelle, Sandler, 2014: *d.v.* — Центральная и Южная Америка: внутренний терроризм: 4SP. международный терроризм GTD: 4SP. международный терроризм ITERATE: 2IP/2IN, Северная Америка: внутренний терроризм: 4IN, международный терроризм GTD: 4IN, международный терроризм ITERATE: 4IN, Африка южнее Сахары: внутренний терроризм: 4SN, международный терроризм GTD: 4ISN, международный терроризм ITERATE: 4IN, Европа: внутренний терроризм: 3IP/1SP. международный терроризм GTD: 3IP/1SP. международный терроризм ITERATE: 3IN/1IP. Азия: внутренний терроризм: 3IN/1IP. международный терроризм GTD: 4IN, международный терроризм ITERATE: 4IN); (Murdie, Stapley, 2014: *d.v.* — террористические атаки на НПО, *i.v.* — для США: 8SP), (Bagchi, Paul, 2018: *i.v.* — Кувейт: 3SN/3IN/2IP. Оман: 6IN/2SN; Катар: 7IN/1SN; Саудовская Аравия: 4SP/4SN)

Переменная холодной войны

1. Главная

2. Контрольная (Young, Dugan, 2011: 4IN), (Findley, Young, 2011: 3IN/2SN/1IP), (Wilson, Piazza, 2013: *d.v.* — ноль терактов: 3SP. количество терактов: 3SP), (Bove, Böhmelt, 2016: 3IN/2SN), (Aksoy, Carter, Wright, 2012: 3IN/1SN), (Danzell, 2011: 4SP), (Braithwaite, Chu, 2018: 2IN/1IP/1SN), (Harris, Milton, 2016: *d.v.* — внутренний терроризм: 1SN, международный терроризм: 1SN), (Avdan, Uzonyi, 2017: *d.v.* — внутренний терроризм: 9SP/4IP), (Bell et al., 2014: 3IN), (Meierrieks, Gries, 2012: 4SP), (Aksoy, 2014: 3SP)

Post-Cold War

1. Главная
2. Контрольная (Choi, Luo, 2013: 4SN/2IN), (Choi, Salehyan, 2013: *d.v.* — все атаки: 5SN, внутренний терроризм: атаки — 1SN, факт происшествия — 1SN, жертвы — 1IN, международный терроризм: атаки — 1SN, факт происшествия — 1SN, жертвы — 1SN), (Foster, Braithwaite, Sobek, 2013: 4IN/1SN), (Braithwaite, 2015: 9SN)